

Strelbytskyy Multimedia Publishing; Kiev; 2019

Весь Александр Беляев

Невидимый свет

— По всему видно, что Вироваль — знаменитый врач.

— Приходится согласиться, если это видно даже абсолютно слепым.

— Откуда вы знаете, что я абсолютно слепой?

— Меня не обманут ваши ясные голубые глаза. Они неподвижны, как у куклы. — И, тихо рассмеявшись, собеседник добавил: — Между прочим, я вертел пальцем перед самым вашим носом, а вы даже глазом не моргнули.

— Очень любезно с вашей стороны, — горько усмехнулся слепой и нервно пригладил свои и без того причесанные каштановые волосы. — Да, я слепой и сказал «по всему видно» по старой привычке. Но богатство и славу можно воспринимать не только зрением. Лучший квартал города. Собственный дом-особняк. Запах роз у входа. Широкая лестница. Швейцар. Аромат дорогих духов в вестибюле. Лакеи, камеристки, секретари. Фиксированная высокая плата за визит. Предварительный осмотр ассистентами. Мягкие ковры под ногами, обитые дорогим шелком кресла, благородный запах в этой приемной...

— Замечательная психическая подготовка, — негромко заметил собеседник, сморщив в иронической улыбке свое желтое лицо. Он бегло осмотрел роскошную приемную Вироваля, как бы проверяя ощущения слепого. Все кресла были заняты большими, многие из которых носили темные очки или повязки на глазах. На лицах пациентов — ожидание, тревога, надежда...

— Ведь вы недавно потеряли зрение. Как это произошло? — обратился он снова к слепому.

— Почему вы думаете, что недавно? — удивленно поднял брови слепой.

— У слепых от рождения иные повадки. У вас, по-видимому, поражены зрительные нервы. Быть может, некроз нерва, как последствие весьма неприятной болезни, которую не принято называть...

Щеки, лоб и даже подбородок слепого порозовели, брови нахмурились.

— Ничего подобного, — быстро, с негодованием в голосе заговорил он, не поворачивая головы к собеседнику. — Я электромонтер. Работая в одной из экспериментальных лабораторий Всеобщей компании электричества по монтажу новых ламп, излучающих ультрафиолетовые лучи...

— Остальное понятно. Я так и думал. Отлично! — Собеседник потер руки, наклонился к

слепому и зашептал ему на ухо: — Бросьте вы этого шарлатана Вировалья. С таким же успехом вы могли бы обратиться за врачебной помощью к чистильщику сапог. Вироваль будет морочить вам голову, пока не вытянет из вашего кошелька последнюю монету, а потом заявит, что сделал все возможное, и по-своему будет прав, так как ни одной монеты больше из вас уже не извлечет ни один специалист. У вас много денег? На что вы живете?

— Вы, вероятно, считаете меня простаком, — сказал слепой с гримасой отвращения. — Но даже и слепой простак видит вас насквозь. Вы агент какого-нибудь другого врача.

Собеседник беззвучно рассмеялся, собрав в морщины свое лицо:

— Вы угадали. Я агент одного врача. Моя фамилия Крусс.

— А фамилия врача?

— Тоже Крусс!

— Однофамилец?

— И даже больше, — хихикнул Крусс. — Я агент самого себя. Доктор Крусс к вашим услугам. Разрешите узнать вашу фамилию?

Слепой помолчал, затем неохотно ответил:

— Доббель.

— Очень приятно познакомиться. — Крусс дружески тронул слепого за локоть. — Я знаю, что

вы обо мне думаете, господин Доббель. В этом городе торгашей и спекулянтов тысячи врачей отбивают друг у друга пациентов, прибегая к самым грязным средствам, уловкам и обманам. Но кажется, еще ни один врач не унижал себя настолько, чтобы лично ходить по приемным других врачей, обливать конкурентов грязью и вербовать себе пациентов. Признавайтесь, что именно такие мысли приходят вам в голову, господин Доббель.

— Допустим, — сухо сказал слепой. — И что же дальше?

— А дальше я имею честь сообщить, что вы ошибаетесь, господин Доббель.

— Едва ли вам удастся переубедить меня, — возразил слепой.

— Посмотрим! — живо воскликнул Крусс и продолжал вполголоса: — Посмотрим. Я приведу вам аргумент, против которого вы не устоите. Слушайте. Я доктор совершенно особого рода. Я не беру денег за лечение. Больше того, я содержу пациентов на свой счет.

Веки слепого дрогнули.

— Благотворительность? — тихо спросил он.

— Не совсем, — ответил Крусс. — Я буду с вами откровенен, господин Доббель, надеюсь, что и вы подарите меня своей откровенностью. Скоро ваша очередь, буду краток... Родители оставили

мне приличное состояние, и я могу позволить себе роскошь заниматься научными исследованиями по своему вкусу у себя на дому, где содержу небольшую клинику и имею хорошо оборудованную лабораторию. Меня интересуют такие больные, как вы...

— Что же вы хотите мне предложить? — нетерпеливо перебил Доббель.

— Сейчас ничего, — усмехнулся Крусс. — Мое время наступит, когда вы отдадите Вировалю последнюю монету. Однако мне нужно узнать, каковы ваши сбережения. Поверьте, я не посягаю на них...

Доббель вздохнул:

— Увы, они невелики. Случай с моим ослеплением стал известен: о нем писали в газетах. Компания, чтобы скорее погасить шум вокруг этого дела, принуждена была уплатить мне сумму, которая обеспечивала меня на год. И это была большая удача. В наше время даже совершенно здоровые рабочие не могут считать себя обеспеченными на год.

— И на сколько времени у вас еще осталось средств?

— Месяца на четыре.

— А дальше?

Доббель пожал плечами.

— Я не привык заглядывать в будущее.

— Да, да, вы правы, заглядывать в будущее становится все труднее и для зрячих, — подхватил Крусс. — Четыре месяца. Гм... Доктор Вироваль, надо полагать, значительно сократит этот срок. И у вас тогда не будет денег не только для лечения, но и для жизни. Великолепно! Почему бы вам тогда не прийти ко мне?

Доббель не успел ответить.

— Номер сорок восьмой! — объявила медицинская сестра в белой накрахмаленной косынке.

Слепой поспешно поднялся. Сестра подошла к нему, взяла за руку и увела в кабинет. Крусс начал рассматривать иллюстрированные журналы, лежащие на круглом лакированном столике.

Через несколько минут Доббель с радостно-взволнованным лицом вышел из кабинета. Крусс подбежал к нему.

— Позвольте мне довести вас на своей машине. Ну как? Вироваль, конечно, обещал вам вернуть зрение?

— Да, — ответил Доббель.

— Ну разумеется. Иначе и быть не могло, — захихикал Крусс. — С его помощью вы, конечно, прозреете... в некотором роде. Вы спрашивали, что я могу обещать вам. Это будет зависеть от вас. Возможно, впоследствии я приложу все усилия, чтобы вернуть вам зрение полностью. Но сначала

вы должны будете оказать мне одну услугу... О, не пугайтесь. Небольшой научный эксперимент, в результате которого вы, во всяком случае, выйдете из мрака слепоты...

— Что это значит? Я буду отличать свет от тьмы? А Вироваль обещает вернуть мне зрение полностью.

— Ну вот! Я же знал, что сейчас говорить с вами на эту тему преждевременно. Мой час еще не пришел.

Когда они подъехали к дому, где квартировал Доббель, Крусс сказал:

— Теперь я знаю, где вы живете. Разрешите вручить вам свою визитную карточку с адресом. Месяца через три надеюсь видеть вас у себя.

— Я также надеюсь видеть вас, видеть собственными глазами, хотя бы для того, чтобы доказать, что Вироваль...

— Не обманщик, а чудотворец? — засмеялся Крусс, захлопывая дверцу автомобиля. — Посмотрим, посмотрим!

Ничего не ответив, слепой уверенно перешел тротуар и скрылся в подъезде.

И вот Доббель снова сидит на мягком сиденье автомобиля. Денег осталось ровно столько, чтобы оплатить такси. Звонки трамваев, шум толпы затихли вдали. На коже ощущение тепла и как бы

легкого давления солнечных лучей. На этой тихой улице, очевидно, нет высоких домов, которые заслоняли бы солнце. Запахло молодой зеленью, землей, весной. Доббель представил себе коттеджи, виллы, окруженные садами и цветниками. Тишину изредка нарушает только шелест автомобильных шин по асфальту. Машины принадлежат, вероятно, собственникам особняков. Крусс должен быть действительно богатым человеком, если он живет на этой улице.

Шофер затормозил, машина остановилась.

— Приехали? — спросил Доббель.

— Да, — ответил шофер. — Я провожу вас к дому.

Запахло цветами. Под ногами закрипел песок.

— Осторожнее. Лестница, — предупредил шофер.

— Благодарю вас. Теперь я дойду сам.

Доббель расплатился с шофером, поднялся на лестницу, тронул дверь — она была не закрыта — и вошел в прохладный вестибюль.

— Вы к доктору Круссу? — послышался женский голос.

— Да. Прошу ему передать, что пришел Доббель. Он знает...

Теплая маленькая рука прикоснулась к руке Доббеля.

— Я провожу вас в гостиную.

По смене запахов и температуры — то теплой, то прохладной, по изменению отраженных от стен звуков Доббель догадывался, что спутница ведет его из комнаты в комнату — большие и малые, освещенные солнцем и погруженные в тень, заставленные мебелью и пустые. Станный дом и странный порядок водить пациентов по всем комнатам.

Чуть скрипнула дверь, и знакомый голос Крусса произнес:

— О, кого я вижу! Господин Доббель. Можете идти, Ирен.

Маленькую теплую руку сменила холодная, сухая рука Крусса. Еще несколько шагов, и Доббель почувствовал сильный смешанный запах лекарства. Звенели стекла, фарфор, сталь. Вероятно, кто-то убирал медицинские инструменты и посуду.

— Ну, вот вы и у меня, господин Доббель, — весело говорил Красс. — Садитесь вот сюда в кресло... Однако сколько мы с вами не виделись? Если не ошибаюсь, два месяца. Позвольте, совершенно верно. Мой почтенный коллега доктор Вироваль обчистил ваши карманы даже раньше предсказанного мною срока. Видите ли вы меня, — об этом, полагаю, спрашивать не нужно.

Доббель стоял, опустив голову.

— Ну, ну, старина, не вешайте носа, — Красс

трескуче рассмеялся. — Вы не пожалеете, что пришли ко мне.

— Что же вы хотите от меня? — спросил Доббель.

— Буду говорить совершенно откровенно, — отвечал Красс. — Я искал такого человека, как вы. Да, я возьмусь бесплатно лечить вас и даже содержать на свой счет. Я употреблю все усилия, чтобы по истечении срока нашего договора полностью вернуть вам зрение...

— Какого договора? — с недоумением воскликнул Доббель.

— Разумеется, мы заключим с вами письменный договор, — хихикнул Красс. — Должен же я обеспечить свою выгоду... У меня есть одно изобретение, которое мне необходимо проверить. Предстоит операция, связанная с известным риском для вас. Если опыт удастся, то вы, временно оставаясь слепым, увидите вещи, которых не видел еще ни один человек на свете. А затем, зарегистрировав свое открытие, я обязуюсь сделать все от меня зависящее, чтобы вернуть вам нормальное зрение.

— Вы полагаете, что мне остается только согласиться?

— Совершенно верно, господин Доббель. Ваше положение безвыходно. Куда вам от меня идти? На улицу с протянутой рукой?

— Но объясните же мне по крайней мере, что произойдет со мною после операции? — раздраженно воскликнул слепой.

— О, если опыт удастся, то... Я думаю, я уверен, что после операции вы сможете видеть электрический ток, магнитные поля, радиоволны — словом, всякое движение электронов. Невероятные вещи! Каким образом? Очень просто.

И, расхаживая по комнате, Крусс тоном лектора продолжал:

— Вы знаете, что каждый орган реагирует на внешние раздражения присущим ему, специфическим образом. Ударяйте легонько по ушам, и вы услышите шум. Попробуйте ударить или надавить на глазное яблоко, и вы получите уже световое ощущение. У вас, как говорят, искры из глаз посыплются. Таким образом орган зрения отвечает световыми ощущениями не только на световое раздражение, но и на механическое, термическое, электрическое.

Я сконструировал очень маленький аппаратик — электроноскоп, нечто вроде панцирного гальваноскопа высочайшей чувствительности. Провода электроноскопа — тончайшие серебряные проволоки — присоединяются к зрительному нерву или зрительному центру в головном мозгу. И на ток, который появится в моем аппарате-электроноскопе, зрительный нерв или

центр должен реагировать световым ощущением. Все это просто.

Трудность заключается в том, чтобы мертвый механизм электроноскопа приключить к системе живого зрительного органа и чтобы вы могли световые ощущения проецировать в пространстве. По всей вероятности, ваш зрительный нерв не поражен на всем протяжении. Не легко будет найти наилучшую точку контакта. Впрочем, к операции мы прибегнем лишь в крайнем случае. Ведь электрический ток может добраться до зрительного нерва и по смежным нервам, мышцам, сосудам. Вот основное. Подробности я вам объясню, если вы решите...

— Я уже решил, — ответил Доббель, махнув рукой. — В жизни мне нечего терять. Экспериментируйте как хотите. Можете даже продолбить мне череп, если потребуется.

— Ну что же, отлично. У вас теперь по крайней мере есть цель жизни. Видеть то, чего еще не видел ни один человек в мире! Это не всякому выпадает на долю.

— А уж на вашу долю в связи с этим, наверное, тоже кое-что перепадет! — язвительно сказал Доббель.

— Выгодная реклама, не больше, которая поможет мне отбить у Вироваля всех его пациентов, — с самодовольным смехом ответил

Крусс.

— Темнота. Черная как сажа и глубокая как бездна, впрочем, я лгу: полная темнота не имеет пространственного измерения. Я не представляю, простираются ли передо мною тысячи кубических километров или сантиметры темноты, нахожусь ли я в пустоте или же со всех сторон меня окружают предметы. Они для меня не существуют, пока я не дотронусь до них или не расшибу себе лба...

Доббель замолчал.

Он лежал на кровати в большой белой комнате. Голова его и глаза были забинтованы. Крусс сидел в кресле возле кровати и курил сигару.

— Скажите, доктор, почему вы так тяжело дышите? — спросил Доббель.

— Не знаю. Наверно, сердечко шалит. От волнения... Да, я волнуюсь, господин Доббель... Волнуюсь, наверно, больше вашего... Почему так долго ничего...

— Послушайте! — вдруг воскликнул Доббель и приподнялся на кровати.

— Лежите, лежите! — поспешил Крусс уложить голову Доббеля на подушку.

— Послушайте! Мне кажется... я вижу...

— Наконец-то! — свистящим шепотом произнес Крусс. — Что же вы видите?

— Я вижу... — взволнованно ответил

Доббель, — мне кажется... если это только не зрительная галлюцинация... Бывают зрительные галлюцинации у слепых?

— Да ну же, ну, что вы видите? — вскричал Крусс, ерзая в кресле.

Но Доббель замолчал.

Его лицо было бледным и таким сосредоточенным, словно он к чему-то прислушивался. Крусс поднялся, осторожно ступая, дошел до двери и нажал кнопку электрического звонка. Когда появилась санитарка в белом халате, Крусс приказал тихо, как бы боясь нарушить грезы Доббеля:

— Скорее... нитроглицерин... у меня сердечный припадок.

— Доктор! Господин Крусс! Да, да, я вижу... тьма ожила! — заговорил Доббель, как в бреду. — Проходят какие-то Сгущения светового тумана...

— Какого цвета? — взвизгнул Крусс, хрипло дыша.

— Свет белый... хотя на фоне мрака кажется чуть-чуть голубоватым... Световые пятна приходят и уходят ритмически, как волны...

— Волны! — хрипел Крусс. — Проклятье! Недостает только, чтобы я умер именно сейчас. Давайте! Скорее давайте! — обратился он к вошедшей санитарке, жадно выпил лекарство, опустил веки и откинулся на спинку кресла. Хрипы

становились все реже и тише.

— Прохождения световой материи бывают то короче, то длиннее, — говорил Доббель о своих видениях.

— Быть может, это работает радиотелеграф? — высказал предположение Крусс. — Ну вот, мне лучше. Мне значительно лучше. Я вас слушаю.

— Удивительно. Передо мною словно проявляется фотографическая пластинка. Я вижу больше света... Пятна, точки, дуги, кольца, волны, узкие, трепещущие лучи пересекают, пронизывают друг друга, сливаются, расходятся, переливаются... Световая сетка, узоры... Как трудно разобраться во всем этом!

— Замечательно! Бесподобно! — восхищался Крусс удачными результатами своего опыта. — Вам трудно разобраться потому, что вы еще не приспособились регулировать аппарат и не можете выделять токи различной силы. Не мудрено, что вы находитесь как бы в световом хаосе. Но вы быстро овладеете регулятором и сможете выделять токи от слабых до сильных любого напряжения. Да не жалеете же слов, дружище! Что вы видите еще?

— Нет больше темноты, — продолжал Доббель. — Пространство полно света. Свет разной силы и — да, да! — разной окраски — голубой, красноватый, зеленоватый, фиолетовый, синий...

Вот с левой стороны вспыхнуло световое пятно величиною с яблоко. От него исходят голубоватые лучи, как от маленького солнца...

— Что такое? — воскликнул Крусс, вскакивая с кресла. — Вы видите? Не может быть! Ведь это луч солнца из окна упал и осветил полированный шарик на ручке двери. Но не можете же вы видеть этот шарик!

— Я не вижу шарика. Я вижу только световое пятнышко и голубоватые лучи, исходящие от него.

— Но как? Почему? Какие лучи?

— Мне кажется, я нашел разгадку, господин Крусс. Энергия солнечного луча, осветившего шарик, начала вырывать с металлической поверхности шарика электроны.

— Да, да, да, да! Вы правы. Вы совершенно правы. Как только я сразу не догадался. А ну-ка, сделаем такой опыт. Вы, конечно, не видите, где находятся провода электрической лампы? Так. Теперь я включаю свет. Электрический ток двинулся, и...

— И я увидел электрический провод. Светящаяся линия проходит по потолку, — Доббель указывал пальцем, Крусс утвердительно кивал головой, — по стене... а вон там, в углу, происходит утечка тока. Вам придется пригласить монтера... Дальше провод проходит через ряд комнат, спускается в первый этаж, выходит на

улицу... Я вижу и горящую электрическую лампу. Вот она. Только я вижу не свет, а токи электронов от накаливаемого волоска...

— Термионная эмиссия, или эффект Эдиссона, — кивнул головой Крусс.

— А знаете что, господин Крусс? — весело сказал Доббель. — Я вижу кое-что и более интересное, чем эффект Эдиссона в горящей лампочке. Вижу, даже не поворачивая головы. Будьте добры, подойдите к моей кровати. Так. Здесь ваша голова? А здесь ваше сердце?

— Совершенно верно... Гром и молния! Неужели вы... неужели вы видите электротоки, излучаемые моим мозгом и сердцем? Хотя что же тут удивительного? Ведь в каждой клетке нашего организма происходят сложные химические процессы, сопровождаемые электрическими явлениями. Но сердце и мозг — это настоящие генераторы.

— От вашей головы исходит мягкий лиловый свет. Он усиливается, когда вы усиленно думаете. А когда волнуетесь, разгорается пламенем ваше сердце, — сказал Доббель.

— Вы клад, Доббель! Вы золото! Вы незаменимый для науки человек! Ведь гальванометр не может рассказать всего, как вы! Я горжусь собою... и вами, Доббель. Сегодня вечером

мы покатаемся с вами по городу в автомобиле, и вы расскажете мне о ваших видениях!

Перед Доббелем открылся новый мир. Тот вечер, когда Крусс катал его по городу в авто, навсегда остался в памяти Доббеля. Этот первый вечер был совершенно волшебным, фантастическим.

Доббель видел свет всюду, где только имелся электрический ток, а где нет электричества в большом городе! Доббель видел вспышки высокого напряжения, которые дает магнето¹ автомобильного двигателя. Моторы трамваев катились по улицам, как китайские колеса фейерверков, отбрасывая от себя снопы искр — электронов. Словно расплавленные канаты, висели вдоль улиц трамвайные провода. Вокруг них были такие мощные магнитные поля, что светом наполнялась вся улица. Доббель видел, вернее, угадывал, как свет — ток от воздушного токонесущего провода — бежал по бугелю под крышу вагона к контроллеру на передней площадке, затем — под пол — в железную раму вагона, в ось, в колеса, в рельсы, в подземный

¹ Магнето — магнитоэлектрический генератор, подающий ток высокого напряжения для искрообразования (зажигания) в цилиндры двигателя внутреннего сгорания.

кабель. Многочисленные кабели ярко светились под землей. Кое-где они были неисправны, и Доббель отчетливо видел уходящие в землю голубые ветвистые ручейки — утечка тока. А позади себя, далеко на окраине города, он видел зарево и целые каскады огня. Там была расположена одна из многих городских электростанций с ее мощными альтернаторами.² Они-то и излучали эти огненные каскады.

Любопытно было смотреть на многоэтажные дома. Доббель не видел стен. Он видел только ярко светящуюся сложную решетку проводов электрического освещения и более слабый свет телефонных проводов, как бы светящийся скелет небоскребов. По этим скелетам Доббель узнавал отдельные здания города. Там и сям в домах виднелись косматые световые пятна — моторы. Все пространство было наполнено рассеянным светом от проходящих радиолучей, а над городом, до самых звезд, как бы связывая небо с землей текли световые потоки, ливни, реки света — то была игра космических лучей, вырвавшихся из недр солнца электронов и магнитных токов самой земли...

— Не один ученый дал бы выколоть себе глаза, чтобы видеть все это! — восторженно

² Альтернатор — устаревшее название электрического генератора переменного тока.

воскликнул Крусс, слушая описания Доббеля. — Кстати, будьте готовы, Доббель. Завтра вас интервьюируют журналисты крупнейших газет, а послезавтра я демонстрирую вас в научном обществе.

Изобретение Крусса произвело сенсацию. Несколько дней подряд все газеты наперебой трубили о нем, и Крусс купался в лучах славы.

Доббеля тоже непрерывно интервьюировали и фотографировали, а затем он начал получать письма с деловыми предложениями.

Военное ведомство предполагало использовать Доббеля для перехватывания во время войны радиотелеграмм противника. Доббель воспринимал волны радиотелеграфа как ряд световых вспышек разной продолжительности. Преимущество Доббеля перед приемной радиостанцией заключалось в том, что ему не надо было перестраиваться на длину волн: он видел их все — и длинные и короткие.

Крупная фирма «Электроремонт» предлагала ему работу — контроль над утечкой тока в подземных кабелях и обнаружение так называемых бродячих токов, причинявших повреждения подземным кабелям и разным металлическим конструкциям. Фирма подсчитала, что живой аппарат — Доббель — обойдется дешевле монтеров

и техников, вооруженных обычными аппаратами, определяющими место утечки тока.

Наконец, Всеобщая компания электричества сделала ему предложение — служить живым аппаратом при опытных работах в научной лаборатории компании. В экспериментальной лаборатории испытывались различные системы катодных трубок и ламп, осциллографов, аппаратов, излучающих ультрафиолетовые и рентгеновы лучи, искусственные гамма-лучи; здесь изучалась вся шкала электромагнитных колебаний, делались опыты бомбардировки атомного ядра, изучались свойства космических лучей. Такой живой аппарат, как Доббель, конечно, мог быть очень полезен при производстве опытов над невидимыми лучами.

Крусс разрешил Доббелю принять предложение Всеобщей компании электричества.

— Но жить вы будете по-прежнему у меня, — сказал Крусс. — Так мне будет удобнее. Ведь договор наш остается еще в силе. Я не произвел еще над вами всех интересующих меня наблюдений.

Для Доббеля вновь началась трудовая жизнь.

Ровно в восемь утра Доббель уже сидел в лаборатории, где всегда пахло озоном, каучуком и какими-то кислотами. Производились ли опыты при

солнечном свете, или же вечером, при свете ламп, или, наконец, в полной темноте, Доббель всегда был окружен своим прозрачным миром светящихся шаров, колец, облаков, полос, звезд. Машины гудели, жужжали, трещали. Доббель видел, как возле них возникают сияющие магнитные поля, как срываются потоки электронов, как эти потоки изгибаются или ломаются в пути под влиянием хитроумных электрических преград, сетей и ловушек. И Доббель объяснял, объяснял и объяснял все виденное. Две стенографистки записывали его речь.

Он видел интереснейшие световые феномены и делал ученым сообщения о вещах совершенно неожиданных. Когда начинала работать гигантская электромагнитная установка, которая была больше и тяжелее самого большого паровоза, Доббель говорил:

— Фу, ослепнуть можно! Эта машина наполняет ярким светом целый квартал города, а крайние пределы светящегося магнитного поля выходят далеко за окраину города. Ведь я вижу весь город насквозь — электрический скелет города, вижу сразу во все стороны. Я теперь вижу все вещи и вас, господа. Электроны облепили меня, как светящийся улей. Вон у господина Ларднера искры уже сыплются с носа, а голова господина Корлиса Ламотта напоминает голову Медузы Горгоны в

пламени. Я отчетливо вижу все металлические предметы, они горят, как раскаленные, и все связаны светящимися нитями.

При помощи Доббеля, говорящего и мыслящего аппарата, было разрешено несколько не поддававшихся разрешению обычным путем научных вопросов. Его ценили. Ему хорошо платили.

— Я могу считать себя самым счастливым среди слепых, но зрячие все же счастливее меня, — говорил он Круссу, который ежедневно выслушивал его отчеты о работе и продолжал на основании их свои изыскания по усовершенствованию изобретенного им аппарата.

И вот настал день, когда Крусс сказал:

— Господин Доббель! Сегодня истек срок нашего договора. Я должен исполнить свое обязательство — вернуть вам нормальное зрение. Но вам тогда придется потерять вашу способность видеть движение электронов. Это все-таки давало вам преимущество в жизни.

— Вот еще! Преимущество быть живым аппаратом! Не желаю. Довольно. Я хочу иметь нормальное зрение, быть нормальным человеком, а не ходящим и болтающим гальваноскопом.

— Дело ваше, — усмехнулся Крусс. — Итак, начнем курс лечения.

Настал и этот счастливый день в жизни Доббеля. Он увидел желтое, покрытое морщинами лицо Крусса, молодое, но злое лицо сестры, помогающей Круссу, увидел капли дождя на стеклах большого окна, серые тучи на осеннем небе, желтые листья на деревьях. Природа не позаботилась встретить прозрение Доббеля более веселыми красками. Но это пустяки. Были бы глаза, а веселые краски найдутся!

Крусс и Доббель некоторое время молча смотрели друг на друга. Потом Доббель крепко пожал руку Крусса.

— Не нахожу слов для благодарности...

Крусс отошел от кресла, приподняв правое плечо.

— Благодарить незачем. Для меня лучшая награда — успех в моей работе. Я же не шарлатан, не Вироваль. Вернув вам зрение, я доказал это всем — надеюсь, его приемная очень скоро опустеет... Но довольно обо мне. Вот вы и зрячий, здоровый, нормальный человек, Доббель. Можно позавидовать вашему росту, вашей физической силе и... что же вы теперь намерены делать?

— Я понял ваш намек. Я больше не ваш пациент и потому не должен обременять вас своим присутствием. Сегодня же я перееду в отель, а затем подыщу себе квартиру, работу.

— Ну что ж, желаю вам успеха, Доббель.

Прошел месяц.

Однажды Крусса попросили сойти вниз, в вестибюль. Там стоял в пальто с приподнятым воротником и со шляпой в руках Доббель. Струйки дождя стекали на паркетный пол с полей его шляпы. Доббель выглядел уставшим и похудевшим.

— Господин Крусс! — сказал Доббель. — Я пришел еще раз поблагодарить вас. Вы вернули мне зрение. Я прозрел...

— Вы лучше скажите, удалось найти вам работу?

— Работу? — Доббель желчно рассмеялся. — Я прозрел, господин Крусс. Прозрел вдвойне. И я хочу просить вас... ослепить меня. Сделайте меня слепцом, навсегда слепцом, видящим только движение электронов.

— Добровольно подвергнуть себя ослеплению?! Но ведь это чудовищно! — воскликнул Крусс.

— У меня нет другого выхода. Не умирать же мне с голоду.

— Нет, я не сделаю этого, решительно отказываюсь! — горячо возразил Крусс. — Что подумали бы обо мне! И потом вы опоздали. Да. Занимаясь электроноскопом, я внес в него кое-какие конструктивные изменения, запатентовал и продал патент Всеобщей компании

электричества. Теперь каждый человек может с помощью моего электроноскопа видеть электроток. И компания не нуждается в таких ясновидящих слепцах, каким были вы, Доббель.

Доббель молча надел мокрую шляпу и в раздумье посмотрел на свои сильные, молодые руки.

— Ладно, — сказал он, в упор взглянув на Крусса. — Они годятся по крайней мере на то, чтобы сломать всю эту чертову мельницу. Прощайте, господин Красс! — И он вышел, хлопнув дверью.

Дождь прошел, и на синем осеннем небе ярко сияло солнце.

Каменное сердце

— Гастон приехал! Папа! Папа! Дядя Гастон приехал!

Маленькая Ирен ворвалась в кабинет отца.

Леон Шампетье де Риб посмотрел на дочь. Улыбнулся. Но тучка бровей тотчас согнала с лица луч улыбки.

— Хорошо, хорошо! Иди, детка! Я сейчас приду. Дела прежде всего!

— Дядя Гастон Прямо из Парижа, — пролепетала Ирэн и, посмотрев еще раз на брови отца, тихонько вышла из комнаты.

У дверей кабинета отца стоял китаец-управляющий И-Дзю. Безмолвный, неподвижный как статуя.

Покончив с делами и отпустив китайца, Леон Шампетье вошел в столовую.

Там было шумно и весело.

Гастон Гомаре, брат жены, подбрасывал к потолку свою племянницу, приговаривая «Гоп! Гоп!» Высокий, с седеющими волосами, стройный, с ленточкой почетного легиона в петлице. Увидев Леона, он опустил Ирэн на пол.

— Ну, здравствуй плантатор! Какие вы все стали черные! Я не узнаю своей сестры. Рашель положительно стала аннамиткой. Вот только Ирэн могла бы быть смуглее. И легкая, как пух!

Гастон затронул болезненное место сестры. Рашель Шампетье, такая же высокая и стройная, как брат, начала с волнением жаловаться на то, что у Ирэн совсем нет аппетита. Иногда повар приготовляет по пяти-шести блюд к завтраку, но Ирэн не притрагивается к ним.

— Цыплят не ест. Яиц не ест. На сливки смотреть не хочет. Все это приходится доедать нашим фоксам. Только от бананов не отказывается...

— Наши врачи никуда не годятся. Надо непременно пригласить детского врача из Туэ, — закончила она, обращаясь к мужу.

— Ну да, ну да, — ответил Леон. — Разумеется. Это уже решено. Хотя по-моему Ирэн чувствует себя превосходно. Жива, как ртуть, весела, как молодая белка. — И чтобы поскорее перевести разговор на другую тему, он обратился к гостю.

— Ну а ты, дружище Гастон, серьезно решил заделаться плантатором или приехал только полюбоваться на экзотику? Тигры, слоны, носороги, обезьяны? Все это есть, но признаться, кроме домашней обезьяны да слонов мы здесь не видим экзотики. У нас тут скучная степь — поля, поля. И работа, работа. Как говорится в поте лица. Да вот ты сам увидишь.

После завтрака решили проехаться на

автомобиле, осмотреть владения Шампетье.

Синий автомобиль медленно движется по дороге. В авто — семья Шампетье и Гастон. Все в белых костюмах. На головах мужчин — пробковые шлемы. У Рашель и Ирэн — широкополые соломенные шляпы.

Аметистовое небо, как раскаленная чаша, прикрыло землю. На севере синеют горы покрытые лесами. На востоке, вдали зеленые просторы Тонкишского залива кругом рисовые поля, обсаженные шелковичными деревьями Леон смотрит на все с интересом приезжего.

— Нет, ты не говори, в этом все-таки есть экзотика!

— На парижские бульвары не похоже, это верно! — смеясь, отвечает Леон.

Китаец-шофер переключает скорость. Машина взбирается на небольшой холм и, когда достигает вершины, Гастон вскрикивает от удивления. По ту сторону холма открылось странное зрелище.

Два десятка молодых и старых аннамиток в рубищах, едва прикрывающих худое тело, запряженных, как вола, тянут тяжелую телегу, нагруженную рисом. А возле женщин погонщик-китаец с длинным бичом.

— Что это? Спрашивает Гастон, обращаясь к

Шампетье. Он видит совершенно спокойные лица. Не только Леон, но и Рашель, и даже маленькая Ирэн не выражает не малейшего удивления. Для них видимо, это слишком знакомая картина.

— Тебя удивляет это? — спрашивает Леон. А между тем дело объясняется просто. Оплата двадцати человеко-дней здесь гораздо ниже, чем расходы по однодневной работе одного буйвола.

— Так это твои выючные животные? — спрашивает Гастон.

— И-Дзю, мой управляющий, нанимает их, — отвечает Леон. И поверь, они очень благодарны мне. Если бы они не работали у меня, они умерли бы с голода.

Автомобиль медленно нагонял воз, запряженный женщинами. Погонщик, увидав господ, захотел показать свое усердие. Он начал подстегивать бичом женщин, ударяя их по полуголым спинам. Женщины валились грудью на лямки. Постромки напряглись. Слышалось учащенное хриплое дыхание.

Гастон опасливо посмотрел на племянницу. Но лицо девочки выражало безмятежную веселость.

Внезапно одна женщина с глухим протяжным стоном зашаталась. Надсмотрщик начал стегать ее бичом. Она рванулась в последнем усилии и упала на землю. Из рта ее хлынула кровь. Надсмотрщик кричал, награждая несчастную пинками. Это было

по-видимому слишком и для привычных к подобным картинам Шампетье.

— Посмотри, Ирэн, какая птичка летает. Вон там, у шелковичного дерева! — сказала Рашель, чтобы отвлечь внимание дочери. И приказала шоферу-китайцу ехать быстрее.

А надсмотрщик продолжал кричать на женщину. Она делала судорожные усилия, чтобы встать, и вновь падала на черную лужу крови. Стоявшие в упряжи женщины косились на нее, как испуганные лошади, но молчали — боялись навлечь на себя гнев надсмотрщика.

А китаец, убедившись, что женщине не подняться, грубо приподнял ее, снял лямку, оттолкнул ногой в сторону и крикнул.

— Хо-о!

Колеса заскрипели. Телега двинулась. Упавшая женщина Чунь лежала неподвижно у края канавы. Лицо ее посерело. На губах и подбородке запеклась черная кровь. Глаза были безжизненно закрыты. Она походила на труп. И вороны обманутые ее неподвижностью, уже подлетали к ней все ближе и ближе. А высоко в небе над «падалью» кружился ястреб.

Но искра жизни еще не погасла. В затуманенном мозгу пролетали смутные мысли, как ночные птицы в безлунной темноте. Не надо птиц. Не надо мыслей. Их бесшумный полет мешает

спать. Уснуть — умереть так приятно...

— Цинь?

Цинь — это мысль. Это образ. Цинь — это маленькая дочь Чунь. Это она зовет. Она напоминает о себе. Надо жить. Надо жить ради нее — Цинь! — и легкая судорога, вспугнувшая ворон, прошла по телу. — Цинь! — и Чунь открыла мутные глаза — Цинь! — и вот Чунь поднимается со стоном. Руки и ноги ее дрожат.

Чунь смотрит на дорогу. За облаком пыли скрылась телега. Далеко. Не дойти! Не возить ей больше телегу!

Последние дни она чувствовала себя совсем слабой, и сердобольные женщины-товарищи по упряжке говорили:

— Ты только впрягись в лямку, да делай вид, что тянешь, а мы вывезем!

Но теперь Чунь и этого не может сделать. Она шатается, не в силах идти. Телега все дальше. Вместе с телегой уходит заработок.

Дома Цинь — голодная, худенькая девочка. Бедный ребенок! И ни горсти риса...

Но ведь Чунь проработала почти весь день. Свалилась на закате солнца. Она пойдет в контору и потребует, чтобы И-Дзю оплатил ей за день.

И Чунь, собирая последние силы, прижав руки к больной груди, плетется в контору.

И-Дзю смотрит в книгу счетов и говорит бесстрастно:

— За тобой еще долг за рис. А за сегодняшний день тебе ничего не следует: ты ушла до захода солнца. Не проработала двенадцати часов. Таково условие.

И-Дзю смотрит на Чунь испытующим оком рабовладельца. Чунь «выжата до косточки». На свалку!

— Ты не можешь больше работать! — говорит он сухо. Тебе надо умирать! Уходи!

— А Цинь? — хрипло спрашивает Чунь, смачивая языком высохшие синие губы.

— Что Цинь?

— Цинь, дочь.

— Сколько лет?

— Пять, скоро шесть.

И-Дзю пожимает плечами.

— Мала для работы. Иди!

Не понял! Что будет делать Цинь, когда Чунь умрет?...

Чунь — вдова. Ее мужа, безземельного крестьянина, раздавило деревом в горах, на лесных разработках господина Шампетье. И господин Шампетье не уплатил вдове за смерть мужа ни одного пиастра.

— Он не маленький. Твой муж умер по собственной неосторожности, — сказал господин

Леон Шампетье. — Если я буду платит за каждого, раздавленного деревом, у меня не хватит никаких средств.

Чунь пыталась разжалобить И-Дзю. Но И-Дзю сказал, что смерть ее мужа была написана в книге судеб. А за судьбу не платят. Но он, И-Дзю, жалеет Чунь и потому берет ее на работу.

И Чунь впряглась в лямку, сделалась выючным животным, оставляя маленькую Цинь целыми днями бродить беспризорной по деревне.

Пока Чунь работала, они кое-как жили. Теперь пришел конец и этому...

Уже совсем стемнело, когда Чунь доплелась до своей хижины, сделанной из соломенных циновок. Двери хижины всегда были открыты: голых стен не надо сторожить. Одна комната. Алтарь предков. Стол посередине и нары для спанья у стен.

Чунь, хрипя и задыхаясь, опустилась на тряпье нар.

— Цинь!

Никто не отозвался. Девочка не ожидала матери так рано и по обыкновению где-нибудь бродила в поисках обедков.

Вот придет Цинь, увидит мать и задаст обычный вопрос:

— Что ты принесла, мама? — и жадно посмотрит на руки. Пустые руки! Пустая душа!..

Что делать? Как жить?

Чунь тяжело поднялась. Цепляясь за стол, доползла до алтаря предков и опустилась на колени. Она вопрошала мрак. Ее молитва была похожа на жалобу. Зачем так устроена жизнь? Зачем предки не помогут живым потомкам? Почему предки всегда молчат, не подадут хотя бы доброго совета? Или они не видят! Не хотят? Не знают, не могут? Или и это все ложь, и предки — только бессильный прах, и мир — только тьма без просвета?

— Кто здесь стонет? Мне страшно! — слышался во мраке детский голосок.

Это пришла Цинь. Разве Чунь стонала?...

— Это ты, мама? О чем ты плачешь? Почему сегодня ты пришла так рано? Что ты принесла, мама?

Вот, вот он, этот страшный вопрос! И вместо того, чтобы ответить дочери, Чунь прошептала:

— Я проклинаяю вас!

— Что ты шепчешь, мама? Я есть хочу!

— Завтра... Завтра, моя Цинь. Сегодня я ничего не принесла. Ложись скорее спать. Сонный человек не знает голода. А завтра... — Чунь не могла больше говорить.

Голодная девочка долго плакала, но наконец уснула. Чунь не спала. Она думала, как спасти дочь от голодной смерти. Не сегодня-завтра Чунь умрет. А Цинь останется совсем одна на свете. Ей никто не

поможет. Кругом в деревне такие же бедняки, как и Чунь. Как спасти Цинь?

И под утро Чунь сказала:

— Да, только это!..

— Вставай, Цинь, идем!

Цинь открыла глаза. Узкий луч солнца пробрался к ней на нару. Девочка схватила его, и руки ее сделались золотыми. Цинь рассмеялась, но тотчас нахмурилась.

— Есть хочется!

— Идем скорее! Я накормлю тебя рисом. Много рису. И свининой. И курицей. Идем.

Чунь отвела дочь на базар.

Там было шумно и весело. Крестьяне привезли домашнюю птицу, груды овощей. Как много вкусного! В толпе ходили важные чиновники. Слуга расталкивал перед ними народ, другой шел сзади и нес трубку, коробку для бетеля, бумагу, письменные принадлежности и чайник с чашкой. Богатые аннамитки ходили, поблескивая янтарными шариками в ушах. Буйволы звонили деревянными колокольчиками. Пронзительно кричали слоны, которых вели на водопой.

Девочка забыла про голод. Ей хотелось побегать по базару, но мать крепко держала ее за руку, пробираясь сквозь шумную толпу.

— Эге! И тетка Чунь привела на базар свою козочку! — крикнул знакомый крестьянин.

— Бедняжка! — подхватила старая крестьянка.

Чунь быстро пробиралась к большому тиковому дереву с серебристыми листьями и белыми цветами. Вблизи дерева стоял водоем, в котором приезжие богатые крестьяне-китайцы поили буйволов. Тут же несколько женщин мыли детей.

Чунь подошла к водоему, сняла с Цинь ее лохмотья и вымыла дочь.

— Стань здесь, Цинь! — приказала мать обнаженной дочери.

Вокруг дерева стояли несколько молодых и старых женщин с обмытыми голыми детьми. Дети были истощенные, худые, со всклокоченными волосами. Непослушными пальцами матери и бабушки приглаживали головки. Чунь критически осмотрела детей и осталась довольна: ее дочь выделялась своей стройностью.

Цинь не понимала, что происходит. Ее забавляли шум, пестрота толпы и присутствие детей. Она хотела поиграть с ними, но мать строго приказала, чтобы Цинь стояла на месте.

— Сколько просите? — спрашивали женщины друг у друга.

— Хочу пятнадцать франков.

— Не дадут, — с сомнением покачивала головою соседка. — Зимой покупали по пяти

франков.

— Теперь не зима, — возражала женщина.

Скоро появились и покупатели — жирные старые китайцы под бумажными зонтиками в сопровождении слуг. Покупатели бесцеремонно разглядывали детей, поворачивали, щупали руки и ноги, словно они покупали на убой.

К Чунь подошел толстый китаец. Слуга поставил складной стул, китаец уселся, закурил трубку и, пуская дым в лицо маленькой Цинь, начал рассматривать ее сквозь большие очки. Он долго сопел носом и наконец спросил:

— Сколько?

— Сколько ваша милость положит, добрый господин, — ответила Чунь.

Ведь она продавала дочь не ради денег, а только чтобы спасти ее от голода. Чунь решила: на полученные деньги она купит рису, свинины, курицу и все отдаст Цинь. Пусть по крайней мере она хоть раз наестся досыта.

— Семь франков! — сказал китаец.

— Чунь кивнула головой в знак согласия.

Другие женщины, продававшие детей, недовольно зашипели на Чунь: она не торгуется и сбивает цену. У них было по нескольку детей, и, продавая одного, они хотели подкормить других.

— Худа! — сказал китаец, видя, что Чунь не торгуется.

— Ее немножко подкормить, станет совсем хорошая девочка. Она такая понятливая, послушная. Очень хорошая работница будет! — расхваливала свой «товар» Чунь, боясь, чтобы покупатель не ушел.

— Пять франков! — сказал китаец, поднимаясь.

— Берите, добрый господин! — ответила Чунь упавшим голосом.

Китаец кивнул головой. Слуга отсчитал Чунь пять франков и взял девочку за руку.

— Только... не обижайте ее, добрый господин! — совсем тихо прошептала Чунь.

— Идем! — сказал слуга, дергая Цинь за руку.

— Куда? Я не хочу! — вдруг заплакала испуганная девочка.

— Иди, иди, деточка, тебе будет хорошо... — уговаривала Чунь.

Женщины-продавщицы отвернулись.

Плачущая Цинь исчезла в толпе.

— Что за дикари! У них совершенно нет сердца! Каменные сердца! Животное, и то не рассталось бы со своим детенышем! — сказала Рашель Шампетье. Она стояла с мужем и братом недалеко от дерева и наблюдала всю сцену.

— Каменное сердце. Ты хорошо сказала, Рашель. Они действительно заслуживают того, чтобы быть только вьючными животными, —

ответил Гастон Томаре.

— Однако, пора и завтракать, — весело сказал Леон Шампетье. — У меня, признаться, аппетит разыгрался. Идем, Гастон. Ну, а чем же закончилось заседание палаты?

И Гастон начал рассказывать о заседании палаты депутатов, на котором он присутствовал перед отъездом из Парижа.

— Так вот. Самыми интересными были два вопроса повестки дня: об увеличении французского военного гарнизона в Гуэ и о применении принудительного труда в Советской России.

Отворотное средство

— Что ты сегодня такая задумчивая, Катюша?

— Так...

— Это ж не ответ! Помолчали.

Катя Опочкина и Алеша Кучин — вузовцы, товарищи, друзья неразлучные. Оба молодые, румяные, голубоглазые, — как брат с сестрой. Только у Катюши глаза посиней.

В воздухе пахнет молодыми клейкими листочками тополя. Весна!

Катя опускает голову, внимательно смотрит на тротуар и говорит как бы невзначай.

— Мама меня хочет выдать замуж...

— Что?., вы?., за?... — Алеша останавливается, как вкопанный. От удивления у него даже рот раскрылся. Несколько мгновений он стоит в окаменении, потом нагоняет Катюшу, которая прошла вперед, и раздражается целым водопадом негодующего красноречия. Он говорит о предрассудках, о насилиях над личностью старого, отжившего мира, о новом быте, о правах женщины, об ее раскрепощении, об обязанностях комсомолки... И, странное дело, эти слова, которые Катюша слышала так много раз на собраниях, лекциях, дискуссиях, теперь ей кажутся какими-то новыми, волнующими, живыми... Она с удовольствием слушает Алешу, изредка поглядывая

на него.

— И неужели же ты, — заканчивает патетически Алеша, — подчинишься этому насилию?

Лицо Катюши еще грустное, а губы уже улыбаются.

— Нет, Алеша, я не подчинюсь. Но придется выдержать большую борьбу, быть может, поссориться с матерью, это так неприятно. Мне тяжело огорчать ее. Она ошибается, но ведь она это делает из любви ко мне...

— Эгоизм это, а не любовь! — говорит Алеша несколько успокоившись. — А кто он, нареченный, которого прочат тебе в мужа?

— Николай Семенович Глухарев.

Мясник? Частник? — опять кричит Алеша с возмущением. Но в этом возмущении уже как будто меньше личной заинтересованности: ведь Катюша не выйдет замуж за мясника.

— Я не ожидал этого от Марьи Григорьевны. Толстомордый дядя, не меньше сорока лет!.. И чем же он привлек так твою мамашу?

— Она очень беспокоится за мое будущее. Она говорит, что молодые люди теперь все испорченные, легкомысленные. Сегодня женится, завтра бросит, И буду я несчастная. «А за Николаем Семеновичем ты будешь, как за каменной стеной. Такой не изменит, не бросит. И домик есть,

торговлишка есть. Голодать не будешь... Дай мне умереть спокойно», — говорит мама.

— Мещанское болото... буржуазное окружение... — бурчал Алеша.

— Я не выйду замуж за Глухарева, но мне и маму огорчать не хочется. Я не знаю, что мне делать... Если бы можно было так, чтобы это дело с Глухаревым само как-нибудь расстроилось...

— Убить этого гада, — вот и расстроится! Но только это не годится. Лучше вот что. Бросай ты свою мамашу и переезжай ко мне. Поплачет твоя Марья Григорьевна и помирится.

Катюша отрицательно покачала головой.

— Это убьет ее. Лучше бы как-нибудь иначе.

— Но как же иначе? Застращать, что ли, Глухарева? Тоже не годится. Да он, может быть, и не из трусливого десятка. Чорт, вот теорема! Но ведь пойми же ты, что другого выхода нет: или ты должна выйти замуж за этого мясника, или же выйти из родительского повиновения, хотя бы это и расстроило твою уважаемую мамашу.

— Лучше бы как-нибудь иначе! — упрямо твердила Катюша.

Они шли молча до самого Каменного моста, каждый погруженный в свои думы. И вдруг среди моста Алеша схватил Катю за руку и крикнул.

— Стоп! Придумал! — Они пошли замедленным шагом. — Собственно говоря, —

продолжал Алеша, — я еще ничего не придумал, но я вспомнил о человеке, который может придумать, что нам, то есть тебе, делать, чтобы и замуж не выходить за мясника и мамашу не рассердить. Иван Иваныч! Иван Иваныч Строгов! Помнишь? Знаешь? У меня встречала! Последнего курса. Медик. Рефлексолог. Пойдем к нему и потребуем, чтобы он приложил свою науку к практике жизни. Для построения нового быта, так сказать. Он придумает! Он — голова. Я думаю, он сейчас будет дома. Он недалеко, в Лефортове живет. Идем, что ли?

— Мама к обеду ждет...

— Скажи, что общее собрание было... У меня трамвайные билеты есть. Айда?

В Лефортове еще больше пахло весной. Этот запах вливал энергию в Алешу.

— Тащись, что ли?! Устала? — поощрял он свою спутницу. — Вот и пришли!

Алеша остановился, как вкопанный.

Иван Иванович Строгов, лохматый молодой человек с небольшой, недавно отпущенной бородкой, встретил их у примуса, который никак не хотел разгораться.

— Здравствуйте, садитесь!

— Мы к тебе по делу, Иван Иваныч, — сказал Кучин, не сядясь. — Видишь ли, какая теорема..., — и он рассказал о том

затруднительном положении, в котором находится Катя.

— Тут, понимаешь, твоя голова нужна, плюс электрификация, — наука то есть, понимаешь? — закончил Леша.

Примус разгорелся. Иван Иванович сел на табуретку лицом к гостям и, не глядя на них, начал пощипывать свою бородку, — он никак не мог привыкнуть к ней. Алеша и Катя сидели молча, как на приеме у доктора, который окончил осмотр и сейчас должен назначить лекарство. Молчание длилось довольно долго. Строгов думал, изредка улыбаясь какой-то своей мыслью. Улыбка эта все шире раздвигала его губы и, наконец, он засмеялся вслух.

— Так, говоришь, наука должна служить практическим интересам трудящихся? — спросил он Алешу.

— Это ты всегда говорил, а вот теперь я пришел, чтобы ты слова применил на практике.

— Ну, да, ну, да, вот именно! Это я и хочу сделать. — Он подошел к шкафику у стены и вынул оттуда небольшую банку. Затем, обернувшись, он посмотрел на Катюшу и сказал:

— Я дам вам, товарищ Катя, отворотного порошку!

— Как?... — спросила Катюша, широко открывая глаза.

— Не понимаете? Разве от своей мамы не слышали о таких порошках. Есть приворотные средства, — если человек не любит, а вы хотите, чтобы он полюбил вас. А есть средства отворотные, чтобы так сказать от ворот поворот сделать. Вместо симпатии ненависть к человеку возбудить. Всякая уважающая себя знахарка и колдунья имеет в своей лаборатории те же средства. Ведь вам надо, чтобы гражданин Глухарев не показывался больше в вашем доме, не так ли? Вот я и даю вам отворотное средство.

Катюша в недоумении посмотрела на Алешу, но у того глаза были еще круглее я больше от удивления. Зато глаза Строгова искрились от подавляемого смеха. Алеша обиделся.

— Товарищ Строгов, — сказал он. — Мы пришли к тебе по-товарищески за помощью и советом, а ты что? Насмешки делаешь? Как тебя понять? Что мы не по адресу обратились? Что нам надо было к ворожее идти, на бобах гадать, а не беспокоить ученых людей? Мог бы это просто сказать, без порошков!

— Да нет же, я совершенно серьезно говорю, — настаивал Строгов.

Что серьезно? Где серьезно? Колдовство серьезно? Довольно глупо для научного работника! Отворотные порошки — не наука, а предрассудок и жульничество!

Не кипятись и выслушай меня. Мой отворотный порошок — самая настоящая наука. Вы сначала попробуйте, а потом говорите. — Строгов открыл баночку, посмотрел и с огорчением покачал головой. — К сожалению, у меня осталось очень мало. На донышке. Но может быть хватит. А если не хватит, скажите мне, я достану еще. Я сейчас высыплю вам в бумажечку, товарищ Катя!

Катюша побледнела.

— Может быть это... отрава? — спросила она дрогнувшим голосом.

Иван Иванович посмотрел на нее строго и укоризненно.

— За кого вы меня принимаете? Хотите — я возьму сейчас отсюда порошок и приму на ваших глазах...

— Не надо, я верю вам! — остановила его рукой Катя. Ей уже стало жалко тратить порошок. — И что же я должна делать с ним? Подсыпать в стакан Глухареву?

Строгов подумал и потом спросил:

— А с кем он больше бывает: с вами или с вашей матушкой?

— Конечно, с мамой, — ответила Катюша. — Я всегда стараюсь уйти, когда он приходит. А мама с ним почти каждый вечер чай пьет и беседует.

— Так. Чай вы разливаете, когда все вместе бываете? Отлично! Так вот что вам надо делать.

Перед тем как разливать чай возьмите маленькую щепотку этого порошка в левую руку. Это вы можете сделать в своей комнате, И держите незаметно, вот так. А когда будете наливать чай матушке, бросьте в ее чашку щепотку. — Катя опять побледнела. — Уверяю вас, что ничего вредного в этом порошке нет. Не стану же я делать преступление, да еще при свидетелях. Ведь Алеша меня со свету сживет, если я вашей мамаше хоть малейший вред причиню, ведь так? Алеша покраснел и что-то пробормотал.

— Ну, вот. Слушайте дальше. Так вы, Катя, поступайте каждый раз, когда будет приходиться Глухарев. Хорошо, если вы не будете пропускать вечерних чаепитий несколько дней подряд. Уж вы потерпите! Зато потом сразу от тяжести освободитесь. Должен вас предупредить, что, после того как ваша мать попьет чая с этим порошком, она наверно будет жаловаться на легкую тошноту. Но так надо. Ничего опасного в этой тошноте нет. А порошок чудодейственный. Не одним же колдунам чудеса делать! Наука тоже умеет это. Приходите через неделю и скажите, как идут дела.

— Но как же все-таки отворотит Глухарева этот порошок? — спросил заинтересовавшийся Алеша.

— А вот узнаете как! — ответил загадочно Строгов. — А когда с Глухаревым будет покончено,

тогда меня приглашайте свидетелем в ЗАГС.

Такая догадливость, пожалуй, была и излишня. На этот раз покраснели оба: Катя и Алеша. Катя зажала в руке отворотный порошок, поблагодарила Строгова и выбежала на улицу. Следом за ней вышел и Кучин.

— Ну, что? Я говорил; А? Вот голова-то! Дюжине знахарок нос утрет, если только этот отворотный порошок поможет.

— Я тоже думаю об этом. Если поможет. И если... не наделает какого вреда...

Мать поворчала за то, что Катюша опоздала к обеду, выбрала заседания «и всякие там клубы», но в общем все обошлось благополучно. А когда Катюша сказала, что сегодня вечером она никуда не пойдет, то Марья Григорьевна совсем повеселела.

— И лучше! Посидим, чайку попьем. Николай Семенович обещал прийти на часок... Вот человек! Не то, что нынешние! — Марья Григорьевна не упускала случая похвалить Глухарева.

Скоро пришел и он. У Катюши сердце упало, когда Марья Григорьевна, сказала свою обычную фразу:

— Чайку, что ли, попить!

Чайник давно уже кипел на кухне. Катя быстро накрыла на стол новую скатерть и поставила чашки. Николаю Семеновичу всегда

ставилась огромная чашка покойного Опочкина, с надписью: «Пей другую». Эта надпись неизменно служила поводом для остроумия Глухарева и завязывала несложную нить разговора.

Перед тем как разлить чай по чашкам, Катюша вышла в маленькую каморку, где она спала и занималась, и, быстро развернув порошок, взяла щепотку!

Как она волновалась, всыпая порошок в чашку своей матери! Ее руки дрожали так, что это заметил Глухарев. Но он понял ее волнение в самом благоприятном для себя смысле и потому стал еще разговорчивее. Он, как граммофон с единственной пластинкой, повторялся изо дня в день, Говорил о том, что дом у него — полная чаша, — «конечно, по теперешнему масштабу, советская так сказать». — При этом он и мать Катюши неизменно смеялись. — Что не хватает ему только хозяйюшки, — и он многозначительно поглядывал в сторону Катюши.

В этот вечер было как всегда. Только когда разговор коснулся «советской чаши», Глухарев рассмеялся громче обыкновенного, а у Марьи Григорьевны смех вышел какой-то кислый. Катюша внимательно наблюдала за ее лицом. У Марьи Григорьевны расширились ноздри, она шлепала дряблым губами и от времени до времени как-то вытягивалась.

После упоминания Глухарева о том, что ему нужна хозяйшка, установленный обычай требовал, чтобы Марья Григорьевна начала говорить о современной молодежи, о том, что девушки теперь бегут от хозяйства, а молодые люди, все, как саврасы без узды. Этот монолог у нее выходил всегда очень гладко, вызывая сочувственные покачивания головы гостя. Но сегодня у Марьи Григорьевны не ладилось. Она все шевелила губами, лицо ее имело такое выражение, как будто вместо вина она хлебнула уксуса. Но Глухарев не замечал этого. Он был заинтересован все увеличивающейся нервностью и волнением Катюши.

«Пронял — таки ее сердечко! — думал он. — Весна-то что значит».

Он засиделся несколько позже обычного. А когда ушел, Марья Григорьевна вздохнула с облегчением и сказала:

— Наконец-то! Меня что-то тошнит, я уж не могла дождаться, когда он уйдет...

На другой день повторилась та же история. А на четвертый день во время обеда Марья Григорьевна говорила своей дочери:

— И что это такое значит? Как Николай Семенович приходит, так меня тошнит! Тошнит и тошнит. Я уже думала, не от чая ли? — Катюша едва заметно вздрогнула. Ложка стукнула о ее

зубы. — Так нет! Утром пью чай одна, и ничего. А как вечером с Николаем Семеновичем — тошнит. Тебя от чая не тошнит?

— Нет, — ответила Катя сдавленным голосом.

— И Глухарева, видно, не тошнит. Если бы тошнило, не пил бы вторую «Пей другую». Нет, это не от чая. Прямо, как от Николая Семеновича! Посмотрю на него, и тошнит... И отчего бы, понять не могу? Такой приятный человек, а тошнит!..

Прошло еще два дня. Катюша перед разливкой чая вынула в своей комнаты бумажку с порошком, но порошка осталось так мало, что она не могла набрать даже одной маленькой щепотки...

В этот вечер Марья Григорьевна пила чай без порошка. И Катя с тревогой смотрела на ее лицо. Неужели ее мать не будет теперь тошнить от вида Николая Семеновича? Порошки действовали хорошо, — Марья Григорьевна все чаща жаловалась дочери, что от Николая Семеновича ее тошнит. И вот теперь отворотные порошки кончились и, быть может, Глухарев опять сделается самым приятным человеком для матери...

— Да-с, — говорил Глухарев, отхлебывая из большой чашки, — дом мой тоже вот как эта чаша. Полная чаша, только конечно в современном масштабе. Теперь таких чашек не делают. Чаю не хватит. Советская чаша! Ха-ха!

Но Марья Григорьевна, хотя она пила чай без отворотного порошка, вдруг скривила лицо и зашлепала губами, точно на них остался вкус касторки. И речь ее о современной, молодежи была совсем смята. Катюша не верила своим глазам. Это было похоже на волшебство. «Наука также умеет делать чудеса», — вспомнились ей слова Строгова. Неужели произошло это чудо науки? Порошка уже нет, а отворотное настроение у матери осталось. Конечно, у матери тошнота! Вот как искажается ее лицо. И она почти с ненавистью смотрит на Глухарева. Она откидывается на спинку и стонет. Глухарев сочувственно спрашивает, что с ней.

— Что-то болит... тошнит меня!.. Простите... — и она, поднявшись, быстро уходит из комнаты. Глухарев смущен, как актер, неожиданно покинутый среди акта заболевшее партнершей. Надо говорить какие-то новые слова, какую-то «отсебятину», — как говорят на сцене, но слова не идут на ум. И, не допив чашки, он поднимается.

— Вашей матушке надо отдохнуть, — не буду ее беспокоить, — говорит он и, наскоро попрощавшись, уходит.

Когда дверь закрылась за ним, в комнату вошла Марья Григорьевна.

— Ушел-таки? — спросила она и ее на морщинистом лице грозно сдвинулись.

— Уморил! Прямо умирил, и что за тошнотворный человек — так с души и воротит. Тошно! Смертушка! Не человек, а касторка. Даже на губах от него вкус касторки чувствую.

На другой день, в девять часов вечера, когда послышался звонок, Марья Григорьевна вдруг вскрикнула:

— Это он! Он всегда в это время приходит. Ой, тошнит! Уже тошнит! Не открывай ему, Катюша! Пусть звонит. Тош-ни-ит, смертушка! Нет, открой и скажи, — что больная, принять, мол, не могу. И вообще принимать его не надо. А то уморит, непременно уморит!..

Катюша торжествовала. Глаза ее светились скрытым смехом, когда она, приоткрыв дверь на цепочке, сказала Глухареву:

— Мамаша больна и видеть вас не могут... потому что от вас тошнит ее! — и захлопнула дверь.

— Катюша, Катюш! Ты так и сказала, что от него тошнит меня? Ах ты... ну, да ладно. Так оно, пожалуй, и лучше! Как будто отходит тошнота... — Марья Григорьевна вздохнул а.

— Вот только придется другого мясника подыскать. Не могу ходить больше в мясную Николая Семеновича, — тошнить будет меня. Да и спрашивать начнет... Фух! Совсем не тошнит!

Катюша на следующий день после лекции

сделала подробный доклад Алеше: отворотный порошок помог. Мама в полном здоровье, а Глухарева больше не пускает на порог.

— Ну — у! — удивился и обрадовался Алеша. Ай да Ван Ваныч! Он просил нас зайти к нему через неделю. Идем? Кстати, надо узнать, что это за чертовщина такая — отворотный порошок, в самом деле!

Строгов выслушал Катю с видимым удовольствием.

— Ну, вот, — сказал он, обращаясь к Алеше, — наука и пришла на помощь практическим интересам?

— Но в чем дело? — спросил Алеша.

— Дело очень простое. Ты знаешь, что я изучаю рефлексологию, — слышал, что это за зверь? — Алеша утвердительно кивнул головой. — Об условных рефлексах тоже слышал? Если вы, Катя, не слышали, я вам объясню примером.

Я показываю собаке кусок мяса. Собака голодна. При виде мяса у нее начинает выделяться слюна. Так. В этот же самый момент я свищу в свисток. Вид мяса и ощущение свиста связываются у собаки как бы в один узел. И чем чаще проделывать такую вещь — показывать собаке мясо и в то же время свистать, тем крепче будет этот узел. Через несколько дней я уже не показываю собаке мяса, а только свищу. Но так как свист

сопровождал много раз зрительное представление мяса, то один этот свист уже вызывает у собаки слюнотечение. Вот это и есть то, что называют условным рефлексом, то есть искусственно привитым рефлексом. Мяса уже нет, а у собаки слюнки текут от свиста. Если бы собаку каждый раз били, когда свистели, то свист вызывал бы у собаки страх и она убегала бы от свиста. Таким образом, можно привить те или иные рефлексы не только животному, но и человеку.

Вы уж простите, Катюша, но я решил проделать опыт, над вашей матушкой. Для меня это был только научный опыт. Я решил так: если подсыпать ей в чай тошнотворного порошку в то время, когда она будет встречаться с Глухаревым, то через несколько дней у нее должен появиться стойкий условный рефлекс: тошнота, чувство тошноты у нее тесно свяжется с видом Глухарева. Сначала эта тошнота, вызывалась искусственно. Но когда условный рефлекс закрепился, у Марьи Григорьевны начала появляться тошнота при одном виде Глухарева уже без тошнотворного порошка..

— Так же, как слюна у собак... при свисте, но без куска мяса? — спросил Алеша.

— Совершенно также, не нужно пичкать вашу матушку тошнотворными порошками. Один вид Глухарева вполне заменяет их!

Город Победителя

Карл Фит открыл глаза и улыбнулся. Уже несколько дней он просыпался с улыбкой на губах — быть может потому, что засыпал с мыслью о том, как хороша и интересна жизнь. И как вчера, как третьего дня, он внимательно посмотрел вокруг себя. Он закинул голову назад и увидел балконную дверь, через стекла которой в комнату вливались косые лучи утреннего солнца; скользнул взглядом по небольшому письменному столу из белого дуба и удобному рабочему креслу; повернул голову, осмотрел платяной шкаф в стене, как бы желая удостовериться, все ли на месте, и закончил осмотр умывальником около двери. Все на месте. Все так, как вчера, в этой маленькой, чистенькой, беленькой комнатке. А картины на стенах и букет на столе? Нет, и они на месте: два прекрасных этюда масляными красками — эпизоды героической борьбы пролетариата за власть. Большие круглые часы, висевшие над дверью, смотрели своим циферблатом, и стрелки вытянулись почти вертикально. Было без одной минуты шесть. В это время всегда просыпался Фит. Вот стрелки вытянулись в прямую совершенно, и тотчас послышался мягкий, но довольно сильный баритон, который неведомо откуда проговорил:

— Шесть часов, пора вставать!

Баритон этот принадлежал Фиту. Вчера он отдал такой приказ, ложась спать, механическому слуге — валику граммофона, соединенному особым аппаратом с часами. Но Фит давал ежедневно такой приказ самому себе больше для забавы. Его не нужно было будить — просыпался он всегда аккуратно в одно и то же время.

— Благодарю вас, — ответил Фит, улыбаясь часам, и быстро поднялся с кровати. Он быстро сложил кровать и вдвинул ее в стену, натянул на ноги туфли и вышел в коридор. Изо всех дверей выходили люди в таких же халатах, мужчины и женщины, и шли: мужчины вправо, женщины влево.

— Гут морген! — окликали Фита веселые молодые голоса.

— Добрый утро! — отвечал он по-русски и махал рукой.

Фит открыл дверь в стене длинного коридора, и до его ушей донесся разноголосый шум: ливень, веселые голоса, фыркание, хлопанье руками по голому телу, всплески воды. Все эти звуки сливались в своеобразную «водяную» симфонию. Да, в этом огромном зале было настоящее царство воды. Свет, проникавший через стеклянный потолок, освещал бассейн, в котором плавали молодые люди, со смехом перегоняя друг друга. Направо и налево расположились кабинеты душ,

а в стене против входной двери, виднелось множество дверей, которые вели в отдельные ваннные комнаты. Фит обходил бассейн, пробираясь к своей ванне.

— Кто это? — спросил молодой человек в бассейне показывая глазами на Фита.

— Немец, экскурсант, — ответил плывший рядом.

Фит вошел в ванную комнату, быстро разделся и опустился в уже готовую ванну. Выйдя из ванны и насухо растерев тело мохнатым полотенцем, он прошел в соседний зал.

Если первый зал был царством воды, то здесь было царство воздуха и гимнастических машин. Молодые люди в трусах занимались «утренней зарядкой», усиленно тренируясь. Пожилые не отставали. Фит присоединялся к ним и начал старательно проделывать различные телодвижения: выбрасывать руки вверх, вниз, в стороны, приседал, поднимался... Фит страдал. Все это выходило у него не так четко, как у остальных, видимо хорошо тренированных людей.

— Ничего, привыкните, — говорили ему соседи.

Немец виновато улыбался, упрямо приседал и стрелял руками в стороны. «Привыкнете!» Немного обидно. Давно ли немцы были во всем учителями русских?...

Четверть седьмого. Довольно! Фит идет в ванную, надевает утренний халат и возвращается в свою комнатку. Совсем маленькая! И она показалась бы еще меньше, если бы не знать кое-чего, — как она устроена и каковы порядки в этом чудесном доме-коммуне. Нужна ли большая комната, если отличная вентиляция доставляет чистый воздух с избытком и если комната ни на что больше не нужна, как только для того, чтобы поспать в полной тишине да — если придет желание — остаться часок другой наедине. Фит не привык тратить время на уединение. Он горел желанием осмотреть как можно больше и как можно скорее. Да, он не много тратил время на пребывание в этой комнате — и все же она чрезвычайно нравилась ему. Внешний облик комнаты, вся ее простота и даже малый размер настраивали на особый лад. Лишенная на первый взгляд многих необходимых вещей, она говорила о том, что человек должен быть прежде всего свободен от плена этих самых вещей, от власти громоздкой мебели, ненужных безделушек, пыльных штор. В самом деле, разве не приятно сознавать, что куда бы ты ни захотел ехать, везде ты найдешь вот такую простую комнату для сна и отдыха, где нет ничего лишнего и есть все необходимое. В комнату приятно было войти и не жалко ее оставить. Она воспитывала сознание того,

что человек не «комнатный жилец», а жилец и хозяин всего этого огромного, кипящего жизнью дома.

— Хорошо! — сказал Фит, переодеваясь. Через несколько минут он уже был готов к выходу — на нем был простой, удобный, изящный костюм, облегающий талию, но свободный в груди и плечах.

Половина седьмого. Фит выходит из комнаты, не запирая ее — здесь кражи неизвестны — и, пройдя коридором, входит в столовую.

Во всю длину большого светлого зала, в несколько рядов тянутся широкие столы. Посредине столов во всю их длину, возвышаются ящички со множеством окошечек. Рядом с окошечками — кнопки номерами и меню. Против каждого названия — кофе, чай, молоко — цифра. Во всем зале ни одного человека прислуги. На «ящичках» — букеты живых цветов. Фит усаживается за стол против «окошечка», читает меню и нажимает кнопки под номерами 3 и 12. Через минуту откуда-то снизу поднимается и становятся в окошечке длинного ящичка стакан кофе со сливками и ломти белого хлеба, намазанные сливочным маслом и сверху вареньем.

Фит берет с подноса еду и с аппетитом завтракает. Затем он ставит тарелку и пустой стакан на поднос в окошечке, нажимает кнопку — и поднос проваливается.

Без десяти семь. Пожалуй можно еще побриться и почистить ботинки. Это рядом со столовой. Удивительная бреющая машинка кончает свое дело в одну минуту. В то же самое время механический чистильщик натирает ботинки Фита до зеркального блеска. По ассоциации Фит вспоминает об одной оплошности, им допущенной: он забыл привести в порядок, с помощью механического слуги, свою комнату. Забыл же потому, что даже привычный к чистоте немецкий глаз не смог заметить в комнате ни малейших следов пыли или грязи. Но пыль и грязь могут появиться, если за комнатой не следить каждый день! Наблюдение за чистотой входит в обязанность всех проживающих в доме-коммуне. Каждый отвечает за чистоту своей комнаты. Скорее исправить оплошность! Фит спешит к себе, в комнату 1235. Он хотел 1234, тогда было бы еще удобнее запомнить.

Это очень просто! Механическая щетка выметает и натирает пол, пылесос пожирает пыль. Сначала приводится в порядок половина комнаты у двери. потом письменный стол легко откатывается, кресло ставится на стол и убирается вторая половина комнаты — у балконной двери. заменяющей одновременно окно. Пыль по особым мусоропроводным трубам поступает вниз. Пол сверкает. Комната блестит! Но надо еще протереть

окна. Опять механические щетки другого устройства. Готово. Все механизмы складываются и прячутся в нижний ящик удобного стенного шкапа.

Кто-то стучит в дверь.

— Войдите! — дверь открывается. У порога стоят хорошенькая беловолосая девочка и черномазый мальчик. В руках у девочки — букет, у мальчика — корзина с цветами.

— Доброе утро, дорогой товарищ Фит! — говорит девочка на хорошем немецком языке. — Я принесла Вам свежих цветов.

— Доброе утро! — приветствует Фита и малыш с корзиной цветов.

Фит здоровается с детьми, благодарит за цветы. Девочка быстро меняет букет цветов на столе. В вазе красуются теперь чайные розы. Отжившие свой век гвоздики бросаются в мусорную трубу. Труба эта уносит вместе с водой все отбросы дома далеко за город, где они перерабатываются.

Фит еще хочет поговорить с детьми, порасспросить их о том о сем, но дети спешат. Ведь они приняли шефство над цветами дома и строго относятся к своим обязанностям. а дела у шефов в это летнее утро еще очень много. Дети приветливо кланяются Фиту и торопятся дальше. Фит долго улыбается им вслед, потом смотрит на циферблат над дверью. Семь часов двенадцать минут. Фит

открывает дверь и выходит на балкон. Массивные перила утопают в цветах. Вьющиеся растения закрывают балкон с боков. Фит смотрит вниз, с высоты третьего этажа.

Отсюда, с высоты, город поражал не грандиозностью, а своеобразием: он меньше всего походил на город, хотя население его приближалось к шестидесяти тысячам.

Море зелени расстилалось внизу — бесконечные парки и сады. Они затопляли весь город, как вешние воды. и среди этого зеленого моря поднимались. подобно скалистым островам, красивые дома, не выше четырех этажей, окрашенные в светлые тона, хорошо гармонировавшие с зеленым фоном парков и садов. Только далеко направо дома стояли гуще — там была площадь Революции, где помещались правительственные учреждения. А налево блестела излучина реки, покрытая уже в этот ранний час гребными лодками и парусными яхтами: «выходники» спешили использовать день отдыха на вольном воздухе.

Откуда-то донесся звук колес мягко катящихся по рельсам, и через зеленое море проследовал на высоте вершин деревьев воздушный электрический поезд — «Рапид-транзит», который вез на завод рабочих. Такие поезда шли с пятиминутными перерывами в продолжение

получаса, увозя на работу треть взрослого населения города. Количество и состав поездов были рассчитаны так, чтобы каждый рабочий мог усесться в свой поезд на свое место, без давки и очередей. В этом городе ни одна минута не терялась напрасно. Через пять часов «Рapid» вернет рабочих и заберет новую смену. Завод работает в три смены по пяти часов — от семи утра до десяти ночи. Фит непременно побывает на заводе и посмотрит, как организована работа.

Фит возвращается в комнату, подходит к письменному столу и вынимает из ящика пишущую машинку. Такие машинки имеются в каждом столе каждой жилой комнаты этого дома. Через минуту Фит пишет на бесшумно работающей машинке.

«Дорогой Фриц!

Ты просил написать о моих впечатлениях. Это нелегко сделать, Особенность социалистического города, в котором я живу, заключается в том, что он поражает не американскими масштабами, а своей внутренней целесообразностью. Этот город я назвал бы фабрикой для переделки людей. Такие фабрики нам в Германии еще только предстоит строить. Начиная от архитектуры зданий и кончая укладом жизни, все устроено так, что ты незаметно для самого себя становишься совершенно иным человеком. Начать хотя бы с этой маленькой

спартанской комнаты, в которой я нахожусь. Ты сам знаешь, что наши рабочие — и в особенности наши жены — еще не успели отрешиться от буржуазного „уютa“. И я уверен, что ты — и тем более твоя милая Марта — пришли бы в ужас от этой комнаты. Она показалась бы Вам слишком бедной, слишком уж простой. Ни ковра, ни занавесок, ни полочек. Но... надо пожить день, чтобы понять всю целесообразность этой простоты и ненужность загромождения комнат всем тем хламом — вазочками, занавесочками, полочками, статуэтками, которые делают так называемый „уют“ наших немецких квартир.

Представь в моей комнате — единственный стул! разве это не ужас? Я не могу даже принять гостя! Но достаточно выйти в коридор и пройти несколько шагов, и ты уже в гостиной — с коврами, мягкой удобной кожаной мебелью, цветами на столе, прекрасными картинами на стенах, ты встречаешься с кем тебе хочется, выбираешь место и ведешь с приятелями дружескую беседу. Кресла, столики и диваны расставлены так, что группы беседующих не мешают друг другу. Я, например, облюбовал уголок у окна, где стоят пара кресел, окруженных огромными цветущими олеандрами. Ты находишься как будто в саду. В открытое окно льется чистый воздух, насыщенный озоном. Никто тебе не мешает и ты ни кому не мешаешь и в этом

чудесном уголке я провел не один вечер, беседуя с моими новыми друзьями. Я узнал от них много интересного, что трудно узнать и подметить иностранному туристу, притом слабо владеющему русским языком.

Но прости мне. Перегруженный новыми впечатлениями, я отвлекаюсь в сторону и пишу бессистемно. Попробую вогнать себя в рамки, придерживаясь хотя бы хронологического порядка.

Из Москвы я вылетел на аэроплане, летел на юго-восток, с жадным любопытством глядя вниз, на просторы нового мира, который не знает рабства и подневольного труда. Если бы не развернутая карта передо мною, где отмечался маршрут полета, я бы мог подумать, что лечу не над страной мирного труда, а над полем сражения. По широким полям двигались „танки“, гуськом и развернутым строем, в одиночку и целыми стадами. Они то собирались в группки, то, как будто резвясь, убегали друг от друга.

Ну, а если бы на моем месте сидел наш далекий предок или даже дикарь, никогда не видавший современных машин, он конечно подумал бы, что залетел в неведомый мир, где живут странные чудовища, которые пасутся на полях и пожирают высокие травы с необычайной быстротой. Ты конечно уже догадался, что я говорю о тракторах, о тракторных колоннах.

которые, подобно трудолюбивым неустанным животным, хлопотливо снуют взад и вперед, делая легко и скоро то, на что требовалось прежде неимоверное количество человеческого труда.

Кстати, могу сообщить тебе любопытную мелочь. Местные врачи уверяли меня, что тракторы и автомобили оказались врагами целого ряда болезней, которые резко пошли на убыль после того, как страна была тракторизована и насыщена автомобилями. Трактор и автомобиль почти совершенно уничтожили брюшной тиф, дизентерию и другие заразные болезни. „Каким образом?“ — спросишь ты. Очень просто. Распространителями этих болезней являлись мухи, а мухи размножаются, кладя яички преимущественно в конский навоз. Коней же теперь заменили автомобили и тракторы. И мухи почти вывелись.

Здесь я слышал такую сказочку. Ласточка жалуется воробью, что теперь негде даже присесть — телеграф, мол, беспроволочный. А воробей отвечает: „... — и нечем пообедать: все автомобили да тракторы, ни одной лошади!“ К этому можно прибавить и жалобу мухи на то, что теперь негде класть яйца для размножения.

Но, прости, я опять отвлекся.

Итак — аэроплан, безграничные степи, поля и на них стада милых, трудолюбивых, покорных

машин — тракторов. По всему этому необъятному пространству разбросаны промышленные и сельскохозяйственные города, впрочем мало чем отличающиеся друг от друга. Старые города с их неправильными путанными улицами, с церквями, с пестротой деревянных и каменных построек встречаются редко... Уже здесь, на высоте, сидя в большом пассажирском аэроплане и глядя вниз с высоты птичьего полета, ты видишь и чувствуешь, что находишься в стране планового ведения хозяйства. Сельскохозяйственные города расположены более или менее равномерно, промышленные — в местах нахождения сырья. А деревень — старых российских деревень — совсем нет. Слова „мужик“, „крестьянин“ исчезли из живого языка. Они стали таким же историческим воспоминанием, как „помещик“ и „дворянин“. В этой стране есть только трудящиеся, только рабочие сельскохозяйственного или промышленного труда. Кстати, ты не увидишь здесь разницы между инженером и рабочим. Все они живут в одинаковых условиях.

Но я опять увлекся. Уж очень много ассоциаций цепляется за каждую мысль.

Мы летели днем и ночью. Ночью — по радиомаякам. Ночных маяков в миллионы свечей теперь уже не делают, радио успешно заменяет световые сигналы. Только на больших аэродромах

все залито светом, когда подлетаешь к ним ночью.

В Шахтерске мы снизились, и я пересел в поезд, который шел в Южхим. Эти названия тебе мало что говорят. Новые города — дети пятилетки — в значительной мере изменили карту СССР. И советским школьникам приходится запоминать гораздо большее количество городов, чем детям старого режима. С каждым годом количество городов все прибавляется. Если бы здесь географию учили так, как учат в Европе, — советским школьникам пришлось бы туго. Но они усваивают это очень быстро благодаря совершенно новым методам школьного обучения, в котором „книга жизни“ имеет первостепенное значение. Но о школе я еще напишу тебе.

Итак, я пересел в вагон и покатил. Тракторы, похожие с высоты на танки, и комбайны. напоминавшие гигантских насекомых с длинными ножками и усиками, подобно муравьям возились вблизи железнодорожного полотна. И как-то совершенно незаметно мы вкатили прямо в большой вокзал-гостиницу. Поезд остановился в туннеле. Я вышел из вагона. меня встретил очень молодой человек, почти мальчик, и, любезно коснувшись своей шляпы, сказал:

— Здравствуйте, товарищ Фит! Комиссия по приему иностранных туристов поручила мне встретить вас.

Я не удивился тому, что он узнал меня, ему были известны номер вагона и места: притом перед отъездом в СССР я послал в Интурист свою фотографическую карточку. Эта карточка была размножена, и копии по радио передавались в каждое новое место вместе с телеграммой о моем приезде. Пожалуй тебя будет шокировать такой способ уведомления — но ведь не об одних же преступниках в самом деле заботиться, пересылая по радио их изображения. почему бы этот способ не применять для удобства всех граждан? И он, этот способ, оказывается действительно удобным.

— Меня зовут Ник (сокращенно от Николай), — продолжал юноша на немецком языке. Многие юноши здесь прекрасно владеют иностранными языками. — Будьте добры следовать за мной, я проведу вас в номер вашей гостиницы.

Прямо против вагона виднелась широкая дверь, куда и направился мой чичероне. Лифт поднял нас на третий этаж, несколько шагов по коридору — и мы вошли в чистенький небольшой номер.

— В этой гостинице для приезжающих все номера одинаковые, — пояснил Ник и начал знакомить меня с оборудованием номера. — В письменном столе — пишущая машинка. Поднимается вот так. Умывальник. Шкафчик — рядом с умывальником, в стене. Вы нажимаете вот

этот шарик, дверца открывается. Здесь вы найдете... да вот, смотрите! — Ник открыл шкафчик, и я нашел там белоснежное полотенце, небольшой кусок мыла, пасту для зубов, новую зубную щетку, одеколон, гребни, головные щетки — все для туалета.

— Телефон, — пояснял далее Ник. — Радиотелефон. Книжка телефонных абонентов. Справочное бюро. Бюро поручений и заказов. Авто. По этому номеру вам ответят на любой ваш вопрос. Если вы хотите проехать в соседние города, не берите с собой ничего лишнего, вернее, ничего не берите. В поездах есть буфеты. В каждой гостинице вы можете получить макинтош, чемодан, фотографический аппарат, бинокль — вообще все, что вам захочется иметь в данное время. Зачем, к примеру, таскать с собою фотоаппарат, если вы можете его взять на прокат, сделать снимки, отдать проявить или использовать лабораторию дома-коммуны для того, чтобы проявить самому. Меня вы можете вызвать по телефону 5-89-67. Вызов делается автоматически. А вот это... — Ник открыл дверцу шкафа в стене, — световые рекламы. Здесь, поворачивая рычажок, вы можете узнать, что сегодня происходит интересного в городе, куда пойти. Вот любопытствуйте! — Ник нажал рычажок. В полусвете шкафа вспыхнул светящийся экран. движущиеся строчки запыхали огнями.

— Наркомздрав очень ограничил применение реклам, особенно светящихся, — продолжал Ник. — Эти рекламы — одна из причин нервозности людей больших европейских городов. В наших городах реклама не лезет назойливо вам в глаза, не терзает ваши уши, не кричит красками, звуками, светом, пестротой, яркостью, неожиданными вспышками. В Европе, и в особенности в Америке, вы знаете, от рекламы нет спасения. Она всюду преследует вас: сверху, внизу, с боков, спереди, сзади. Реклама на тротуарах, на стенах, на облаках, на небоскребах, на крышах, на скалах, на окнах, на страницах газет, на вещах... Помимо того, что это действует на нервы, реклама безобразит, опошляет все, к чему она прикасается. Поэтому наши отделы благоустройства горсоветов также против кричащей ненужной рекламы, как и здравоотдел. У нас реклама и даже объявления спрятаны, но их легко найти, когда понадобится узнать о спектакле или заседании. Так и у вас в номере — реклама здесь спрятана, посажена под замок, она не может беспокоить вас. Но когда вам понадобятся сведения, вы откроете шкаф и нажмете одну из этих кнопок с надписями под ними: „Заседания“, „Музеи“, „Театры“, „Кино“, „Лекции“...

Я выразил желание посмотреть, что делается сегодня. Реклама тотчас ввела меня в интересы

сегодняшнего дня Южхима. Я поразился разнообразию и обилию общественной и культурной жизни.

Вот немного из того, что я запомнил:

В Большом зале Дворца Культуры, вмещающем двадцать тысяч человек, был доклад приехавшего из центра члена правительства. В целом ряде профсоюзных клубов назначались доклады и диспуты, главным образом по вопросам организации производства и общеполитическим. На заводах и фабриках должны были состояться большие производственные совещания. В Большом оперном театре шла новая опера „Победитель“ с участием артистов Государственной академической рабочей оперы. В зале Консерватории — концерт электрофониста Гардина, который должен был исполнить на новом инструменте оркестровую симфонию молодого талантливого композитора Дулина, рабочего химического завода. Во второй студии — концерт хорового кружка химиков. В драматическом театре — новая комедия „Моторист“. В театре молодежи — историческая пьеса „Марик“, из жизни детей рабочих до революции; в детском театре „Мимус“ — пьеса, исполняемая дрессированными животными. В аудитории Художественного музея — доклад об античной культуре в сопровождении кино, которое показывает произведения искусства и памятники

старины в красках (картины) и в трехмерном стереоскопическом виде (скульптуры). Лектор — профессор Гулинов... В клубе инженеров — лекция „О передаче энергии на расстоянии“ и „Об уничтожении фабричных труб“. Там же — „О лучах Сонора“...

Нет, всего не пересмотришь! Я обратился к Нику и сказал, что во всем этом можно потеряться. Как выбрать из массы хотя бы театральных развлечений то, что наиболее соответствует моим вкусам?

— Очень просто, — ответил Ник. — Вы интересуетесь оперой „Победитель“. Сейчас как раз вы можете узнать ее содержание, главные мотивы, увидеть действующих лиц, декорации, если хотите, прослушаете все либретто. — Ник повозился у кнопок, и невидимый рупор зазвучал. Человеческий голос рассказывал об опере. Прозвучало несколько мелодий, часть увертюры. В то же время на экране, в уменьшенном виде, показалась сцена,двигающиеся артисты.

— Но ведь тогда и в оперу ходить не надо! — воскликнул я.

— Если вам нездоровится, вы можете, разумеется, и дома прослушать оперу и посмотреть ее. Но все же в театре интереснее! — ответил Ник.

— Таким образом вы сможете получать сведения о всех зрелищах, о всех лекциях,

докладах. Вы по телефону можете заказать себе место. Если вы ничего не имеете против, я проведу вас осмотреть город, — предложил Ник.

Я охотно согласился.

— Посоветуйте, — обратился я к Нику в вестибюле гостиницы, — к кому мне обратиться, чтобы прописаться?

С самого приезда я почти не видел слуг. В буржуазных гостиницах это — бич приезжающих, это мародеры, которые, пользуясь установленным обычаем, обирают вас, вытягивают из вас деньги низкими поклонами, ненужной услужливостью, хамским подобострастием... или же казнят холуйским презрением. если вы мало даете им „на чай“.

Здесь этого нет и следа. Здесь те же рабочие, служащие, как и везде. Они не смотрят на вас, как на барана, которого надо остричь, и не отпускают вам любезностей или холодного ледяного высокомерия, в зависимости от состояния вашего костюма и ваших финансов. Они не прощупывают вас, стараясь угадать сколько можно выкачать из вас денег. Нет, они встречаются и разговаривают с вами, как товарищ с товарищем.

Со всем этим я ознакомился, прожив в гостинице около недели.

Ник успокоил меня: он уже сообщил о моем приезде, и никаких других прописок не требуется.

„Что же касается слуг, то им совсем не нужно мозолить вам глаза. Если вам что-нибудь нужно, вы можете вызвать их, а за чистотой они следят, когда вас нет в номере: приберут, выметут, почистят“.

Вышли мы из гостиницы уже не в сторону железнодорожного туннеля, прорезающего все здание насквозь, а по другую сторону. Прямо перед нами открывалась широкая площадка, окруженная парком. Посредине, на изящных бетонных столбах, высился навес, под которым расположились автомобили. Рядом со стоянкой автомобилей находился большой, в два квадратных метра, план города, нарисованный на матовом стекле. Все улицы и общественные здания были переименованы в особом списке, и против каждого названия виднелась кнопка. Если мне необходимо было ехать, например, на „Площадь Революции“, то я нажимал кнопку против этого названия, и на плане от вокзала, где я нахожусь, протягивалась светящаяся стрела, ясно указывая, по какому направлению я должен был идти или ехать.

— Если хотите, можно взять велосипед, — сказал мне Ник, — и доехать до центра. Впрочем, это не так далеко. Можно нанять такси или сесть в автобус. Смотрите, на плане указан номер автобуса.

— Благодарю вас, утро прекрасное, и я предпочитаю пройти пешком, — ответил я. Ник охотно вызвался сопровождать меня.

Мы прошли мимо стоянки такси и углубились в парк.

Мне хотелось бы передать тебе мое первое впечатление от города возможно полнее. В нем было какое-то своеобразие, которого сразу я не мог понять. Помнится, нечто подобное я испытал, когда с рабочей экскурсией прибыл в Венецию. Венеция — особый город.

Поезд с обычным грохотом и шумом вкатывается в крытый вокзал. Ты выходишь прямо к каналу — и тебя охватывает необычайная для города тишина. Ведь во всей Венеции нет ни одного автомобиля и ни одной лошади, если не считать тех, что стоят на соборе святого Марка, но ведь они бронзовые! И когда ты ходишь по узким венецианским улочкам и по площади Марка, тебя преследует странное чувство — будто это не город, а... дом без крыши. Нечто подобное я испытал, когда вышел из гостиницы и отправился бродить по городу Южхиму. Здесь все было иначе, не так, как еще в наших шумных, бестолковых, сумасшедших городах Запада и Америки. Иные здесь были и люди. Ни вялости, ни медлительности! Все, кого я встречал, были бодры, жизнерадостны и подвижны, но без лишней суетливости и нервозности, характеризующих жителей большого капиталистического города, вечно спешащих, волнующихся, наступающих друг другу на ноги.

Парки и улицы Южхима показались мне, пожалуй, даже слишком малолюдными для города, вмещающего шестьдесят тысяч человек. „Почему бы это?“ — подумал я и сам себе тотчас ответил: „Ведь это город рабочих, а рабочие сейчас находятся на работе“. Это объяснение было правильное, но не совсем точное, как впоследствии я убедился. Помимо того, что пятая часть всех рабочих были „выходными“, рабочие работали в три смены, и фактически значит на заводе было не более трети. Относительное же малолюдство объяснялось многими причинами. В Южхиме отсутствовало деление города на скучные неблагоустроенные окраины и нарядный центр, стягивающий к своим витринам и огням кино почти все население. „Дезурбанизация“ здесь проявилась не только в том, что люди отказались от постройки нездоровых гигантских городов-спрутов с многомиллионным населением, но и в том, что в пределах самого города децентрализованы все общественные места, кроме, конечно, городских советских учреждений общегородского значения (горсовет со всеми его отделами помещается на площади Революции). Театры, кино, музеи, клубы, библиотеки и прочие культурные учреждения равномерно раскинуты по всему городу, и кино окраины ничем не отличается от кино в центре города.

Гуляющие также разбросаны по всему городу равномерно, ведь весь город — сплошной парк; часть же населения выбралась за город на лодках, пешком и в автомобилях. Кроме того в Южхиме нет самого подвижного и суетливого уличного прохожего — покупателя и в особенности покупательниц. Не скажу, что их совсем нет. Но сбросьте со счета только домашних хозяек и модниц, отсутствующих здесь и наводняющих наши магазины, и вы увидите, насколько станет тише! Чувствую, что ты мало представляешь то, о чем я пишу. Нужны новые слова или же длинные описания. Вот, например, я сказал „уличное движение“, ты конечно представляешь тротуары, довольно узкие, возле серых громад зданий. И на этих тротуарах сплошная движущаяся масса людей, плотная, как косяк идущей сельди. А посередине улицы „ледоход“ автомобилей. Но это далеко от того, что я вижу. Здесь нет даже „улицы“ в обычном, привычном нам смысле этого слова. Здесь нет сплошной стены прижатых друг к другу вплотную домов. Ты даже не всегда видишь дома. Ты идешь по прекрасному парку. Над вершинами деревьев в часы начала и окончания работ на заводах почти бесшумно проносятся поезда подвесной железной дороги. Ты идешь по красивой извилистой дорожке в тени каштанов, лип, вязов, дубов, грабов, кленов. На каждом шагу — скамьи с

удобными спинками, клумбы с цветами.

Цветы, цветы! за эти цветы твоя Марта должна простить многое, что ей не понравилось бы в этом оригинальном городе. Но я уверен, что если бы Марта пожила здесь хоть месяц, она не захотела бы вернуться к своим жалким цветочным горшкам на балкончике. Кажется нигде так не любят цветы, как здесь. И главными цветоводами-садовниками являются дети. Они ходят от клумбы к клумбе и наводят порядок. Но, странное дело: гуляющих детей в парках мало, а нянек с младенцами на руках и вовсе нет. По паркам бродят только взрослые и лишь изредка выпорхнет и исчезнет стайка ребят или пройдет мать с детьми.

При первом моем знакомлении с социалистическим городом это отсутствие ребят я отнес на счет недостатков. Плохо, когда ребята шумят, мешают и надоедают старшим, но скучно и без ребят... Впоследствии я убедился, что ребята занимают в жизни города гораздо большее место, чем я предполагал, и что они принимают в жизни города живейшее участие почти во всех областях жизни и особенно в деле поддержания благоустройства. Очевидно просто был такой час, когда дети были в школе или за городом.

Рядом с дорожкой для пешеходов вытянулась в струнку велосипедная дорожка. Непрерывно слышится легкое шипение шин — это мчатся

спортсмены и спортсменки, весело перекликаясь. За велосипедной дорожкой — опять участок парка, а дальше — автобусная, хорошо асфальтированная дорога. Трамваев здесь нет, они давно заменены автобусами. За дорогой еще одна парковая прослойка, за ней стена дома, но ты можешь и не увидеть ее, так как дома здесь разбросаны на значительном расстоянии друг от друга. Они стоят как замки, окруженные парками.

В парках там и сям виднеются красивые киоски — книжные, закусочные, кондитерские, с минеральными водами. фруктами. Но, Фриц, мужайся, мой друг, я сразу тебя ужаснейшим известием: не только в городе, но и во всем городе нет ни одного табачного киоска, ни одного табачного магазина, ни одной сигары, папиросы, трубки! Не правда ли, „это ужасно“?!

— Не хотите ли пройти вот сюда, направо, — предложил Ник.

Мы повернули в тенистую каштановую аллею. Она вывела нас на довольно широкую круглую площадку с фонтаном посередине. Площадку окружали мастерски сделанные статуи вождей мирового пролетариата и несколько групп. В реалистичных и одновременно простых и понятных символах они изображали основные этапы борьбы пролетариата и построения социализма. Об этой площадке скульптуры можно

было бы написать целую книгу... да она кажется и написана. Я был удивлен и восхищен.

— Кто творец этих великолепных статуй? — спросил я своего проводника.

— Рабочие наших заводов, — отвечал он просто — среди них есть много отличных музыкантов, скульпторов, живописцев, поэтов.

— Но ведь тут нужна школа. а школа требует времени, упорного труда для преодоления техники.

— Ну. и что же? — спросил Ник. И он пояснил, что все это результат разумного использования досуга, которого у социалистического рабочего больше, чем у рабочего буржуазных стран.

— Ведь мы работаем всего несколько часов, а предполагаем работать даже меньше. При правильной организации труда, производства и распределения, какие существуют у нас этого вполне достаточно, чтобы обеспечить нас всем необходимым, но не думайте, что мы используем свой досуг только для забавы и отдыха. Если бы это было так, мы пошли бы не вперед, а назад и социализм создал бы только застой тупого довольства. Нет, наш досуг наполнен очень „энергическим“ содержанием. Как старый рачительный хозяин-собственник не переставал заботиться о своем клочке земли, о своем маленьком хозяйстве, так и мы, не считаясь со

временем, заботимся о нашем социалистическом хозяйстве. мы не перестаем заботиться и о тех, которые еще стонут под игом капитала. На все это уходит немало времени, пожалуй не меньше двух третей свободного времени. Затем физкультура, потом занятия любимыми искусствами и наконец развлечения.

Кстати, известно ли вам, что у нас уже создан новый наркомат — культуры и быта, который занимается вопросами наиболее разумного использования рабочего досуга и организации нового быта? Благодаря разумному использованию досуга, у нас почти каждый рабочий имеет несколько специальностей. Одни ушли в науку, другие — в искусство. У нас есть кочегары-химики и водопроводчики-журналисты, токаря-астрономы, фрезеровщики-скульпторы. Одно другому нисколько не мешает. Исключительным дарованиям — музыкантам, поэтам, писателям — предоставлено право заниматься исключительно искусством. Но даже самые даровитые из них периодически возвращаются на фабрику: смена труда, по их словам не только не отражается неблагоприятно на творчестве, но даже стимулирует его.

Тут я выразил сомнение:

— Я могу понять, что, скажем, котельщик может быть астрономом, даже живописцем. Но

может ли кочегар выхолить нежные гибкие пальцы, нужные для скрипичного виртуоза? Может ли забойщик-шахтер быть пианистом?

— Ну, значит они будут не музыкальными виртуозами, а астрономами, — улыбаясь ответил Ник. — Однако с каждым годом машина все более облегчает тяжкий физический труд и таким образом предохраняет человеческий организм от излишнего огрубления. Я уже не говорю о том, что целый ряд производств требует тонких, чувствительных как у пианиста пальцев, — например производство точных инструментов, карманных часов, вольфрамовых нитей для электрических лампочек. Конечно, есть трудности, которые мы не можем еще преодолеть. Ведь вы видите перед собой не пресловутый „рай на земле“, а только совершенствующееся человеческое общество. Факты однако налицо: простые рабочие создали вот эти статуи, рабочие играют в наших театрах, поют в опере, пишут картины, изготавливают в свободное время ручным способом изящные вещицы для украшения наших жилищ и общественных зданий. От гармошки, от „баяна“ рабочий поднялся до сложного электрического симфонического рояля с тремя клавиатурами, педелями и массой регистров, и он владеет этим инструментом не хуже, чем своим станком... Ну, а теперь покажу вам центр нашего города.

— Все ж таки у вас есть центр?

Да, но он имеет совсем иное значение, чем в старых городах. Там жили аристократы, здесь у нас помещаются... Впрочем вы сам сейчас увидите!

Но прежде, чем мы дошли до площади Революции, мне пришлось еще раз остановиться. Мы подошли к стене зеленеющих кустарников, которые прорезала узкая асфальтированная дорожка. Сделав несколько шагов, я вскрикнул от восторга. перед нами был настоящий карликовый японский садик. Собственно говоря это был овраг. но что сделала культура с этим оврагом! по склонам его струились и весело прыгали маленькие водопады, по дну протекал чистый ручей, впадая в водоем с фонтаном посредине и красными рыбками в воде: через ручей там и сям были переброшены легкие изящные мостики. Беседки обвитые плющом, манили в густую тень, среди зелени и цветов виднелись небольшие статуи детей, лебедей, животных. У второго водоема, в самом углу, стояла прекрасная скульптурная группа — маленький ребенок, пухлый как амур, привел на водопой пару львят, которые наклонились на водопой как пьющие кошки. И цветы, цветы! Каскады цветов!..

— Я помню еще то время, — сказал Ник, — когда на этом месте был заброшенный дикий овраг, где росла крапива да репейник. И вот, что мы сделали. Это была затея ребят.

Мы медленно перешли „овраг“, поднялись на другую сторону и сразу попали на широкие площадки, залитые солнцем. Здесь был теннис, футбол, пушбол, баскетбол, волейбол и еще много других, неизвестных мне, видов спорта. Все площадки были полны играющими — женщинами, мужчинами, молодыми и старыми.

— Здесь никогда не бывает пусто. — сказал мне Ник.

Я не мог не остановиться. Уж очень любопытны здесь были виды спорта. По словам Ника, некоторые из них были позаимствованы у малых народностей, населяющих СССР. Вот, например, сооружение, которое я сравнил бы с огромным барабаном в три метра в диаметре и метр высотой. На этом барабане стоит молодая девушка в спортивном костюме и подпрыгивает. Барабан пружинит, вероятно на нем натянута кожа или толстая резина, и девушка взлетает все выше и выше. Окружающие поощряют ее возгласами одобрения. Игра состоит в том, чтобы подпрыгнув, опуститься на ноги и не упасть, вновь подпрыгнуть и вновь опуститься. Поразительно! Эта девушка кажется невесомой. Она подпрыгивает все выше и выше — на метр, два, три, четыре, пять, шесть! — и ловко становится на ноги для нового прыжка. но вот прыжки становятся все ниже и ниже, и девушка сходит с барабана под аплодисменты. Вслед за нею

не барабан влезает мужчина средних лет и под одобрительно насмешливые возгласы начинает подпрыгивать. Второй прыжок, третий прыжок, — и он летит вверх ногами, падает на спину и начинает взлетать кверху, то боком, то головой в самом беспомощном положении. Смех и крики. неудачник сползает с барабана, безнадежно махнув рукой.

А дальше перелетают — вернее перепрыгивают — через площадь люди с привязанными небольшими воздушными шарами, которые уравнивают вес их тела. Человек „ничего не весит“ и при малейшем прыжке отделяется от земли. Помнится, такой спорт был изобретен в Америке. Но какая ловкость и точность у этих летучих людей! А вот нечто совершенно невиданное. У спортсменов на подошвах прикреплены вероятно пружины, потому что эти спортсмены прыгают так, как впору прыгать только блохе. Этот спорт требует большой ловкости и грозит большим риском, чем прыжки на барабане. Но прыгуны очевидно хорошо тренированы и ловко перепрыгивают через киоски и даже через небольшие деревья.

Но, увы, мне опять приходится сдерживать себя, иначе я никогда не окончу внешнее описание города. Пришлось оторваться от интересного зрелища и следовать дальше. Снова тенистая аллея, и вот мы мимо двух белых зданий выходим на

большую площадь.

Что вам сказать о ней? Сравнить ли ее с огромным кратером вулкана, или же с римским амфитеатром? Глядя на эту площадь, я еще раз убедился, какое огромное преимущество заключается в том, чтобы стоять город не десятками и сотнями лет, а строить сразу, по определенному плану. Только при таком условии можно было сразу сделать эту оригинальнейшую в мире площадь. Она имеет совершенно круглую форму. Со всех сторон ее окружают здания, которые построены так, что уступами спускаются к площади этаж за этажом. На каждом уступе имеются возвышающиеся друг над другом ряды скамей. на самой площади. взбегая до высоты первого этажа, расположен настоящий амфитеатр, составляющий единое целое с амфитеатром, расположившимся по уступам-этажам окружающих домов. Благодаря такому устройству получается один грандиозный амфитеатр, который может вместить почти все население города. Это настоящая греческая „агора“ (площадь), на которой происходили собрания. Любопытно отметить, что не смотря на огромный размер площади, она может покрываться особыми тентами во время дождя или сильного зноя.

Посредине площади находится высокая трибуна, снабженная мегафонами, которые делают

возможным слышать речь оратора одинаково отчетливо во всех уголках грандиозного амфитеатра. В домах, которые расположены вокруг площади, помещаются правительственные учреждения. Это, так сказать муниципальный центр. В северном углу площади возвышается грандиозная фигура Ленина с поднятой рукой. представляю какое величественное зрелище производит эта площадь, когда она полна народа, и в особенности вечером, когда от края до края ее пронизывают огни прожекторов! Ник говорит, что в праздники ее иллюминируют, и тогда получается еще более красивое и торжественное зрелище. Здесь собираются граждане в самые торжественные и важные минуты общественной жизни.

В тот момент, когда я посетил площадь, она была почти безлюдна, если не считать нескольких молодых планеристов, которые с увлечением запускали модели планеров с многочисленных верхних площадок.

— Воздушный спорт, — сказал Ник, — пользуется у нас совершенно исключительным успехом. Попробуйте выйти за город и посмотреть, что там делается. Наши планеристы достигли в этом спорте большого совершенства, они держатся на безмоторных аппаратах целый день. Кроме того сконструированы очень любопытные безмоторные воздушные яхты, воздушные парусники, которые

при помощи плоскостей и крыльев совершают, пользуясь лишь силой ветра, довольно значительные путешествия. Впрочем это далось не сразу. Несколько наших воздушных спортсменов на таких воздушных яхтах, не позаботившись набрать достаточную высоту, по милости переставшего дуть ветра сели среди нив, порядочно измяв пшеницу, и у нас происходили по этому поводу даже „дипломатические осложнения“ с соседним сельскохозяйственным городом. Пришлось вознаградить их за убытки, а опытные полеты перенести в строго определенные места.

— Ну, теперь куда вы поведете меня? — спросил я, налюбовавшись площадью Революции.

— Недалеко отсюда находится музей ручного труда. Хотите, осмотрим его, — предложил Ник.

Музей ручного труда! Что бы это могло быть? Вероятно, что-нибудь историческое. Признаться, я не очень люблю такие музеи. Но здесь, в этом городе, все было особенное, и потому я не протестовал. Наверное и в области изучения истории будет что-нибудь оригинальное.

Мы направились в музей ручного труда.

Догадайся, куда я попал? На выставку чудеснейших, изящнейших произведений искусства! Впрочем не только искусства. Отчасти это напоминает огромный универсальный магазин со множеством отделений. Картины, скульптуры,

рамы, книги в изумительно красивых переплетах, вазы, статуи, резная мебель, шляпы, перчатки, обувь, ткани. Ткани особенно заинтересовали меня прекрасной ручной выделкой и художественной раскраской. Все это — произведение ручного труда, артистов своего дела, „любителей“. Сколько здесь тонкого вкуса, сколько любовного терпения! Вот на что расходуют здесь остаток досуга. Почти каждый член коммуны занимается на досуге каким-нибудь ремеслом, прикладным или чистым искусством. Для этого в доме-коммуне устроены различные мастерские, лаборатории, студии, ателье. Это поистине свободный, творческий, не подневольный труд. Один делает изящные переплеты, другой — рамки, третий или третья занимается художественными вышивками или ручным ткачеством, четвертый пишет картины, и притом совсем не по-дилетантски — сочно, уверенно.

Почти все эти предметы имеют практическую ценность и вместе с тем являются подлинными произведениями искусства. Их делают потому, что процесс творчества доставляет удовольствие. Их делают так, как птица поет свои песни. Потом эти прекрасные изделия их авторы дарят близким, друзьям или же выставляют в музей ручного труда. Каждый желающий может приобрести себе несколько таких вещей. Коммуна строго наблюдает за тем, чтобы жилые комнаты не превращались в

склад мебели и не напоминали лавку антиквара. Ничего лишнего, ничего ненужного! Но коммуна не воспрещает иметь у себя в комнате несколько хороших вещей, которые украшали бы комнату: несколько картин на стене, статуэтку на письменный стол, вазу для цветов. Члены коммуны нередко меняют эти произведения искусства, а очень понравившиеся — перевозят с собой, меняя комнату или город.

В музее ручного труда было довольно много посетителей. Женщины тянулись больше к тканям, шляпам, костюмам, — пережиток старой психологии! Впрочем, должен уравновесить это впечатление указанием на то, что немалое количество женщин толпилось и возле таких отделов, как переплетный, рамочный и даже оптических и физических приборов. Не удивляйтесь: здесь есть отличные шлифовальщики линз фотографических, астрономических и микроскопических. Ведь шлифовка — не столько техника, сколько искусство.

В музее ручного труда мы пробыли довольно долго, и мне захотелось завтракать. Нет ничего проще: буфет был тут же, к вашим услугам. Вы можете выбрать сами любое кушанье, не только холодную закуску, но и жаркое, шипящее на электрической плите.

— А все-таки вы можете устать. Не взять ли

нам велосипед?

— Да, пожалуй, это не лишнее! — Ник отправился в депо проката и получил оттуда пару велосипедов.

— Давайте сделаем общий обзор города, — предложил он. — На велосипеде это отнимет немного времени.

Я согласился, и, оседлав наших стальных коней, мы тронулись в путь. По пути я обратил внимание, что дома в большинстве построены по типу „блочных“. Главный большой дом соединен теплым коридором с домом поменьше, а в стороне стоит одноэтажный дом со множеством стеклянных веранд. Ник пояснил мне, что главный дом-коммуна соединен коридором с яслями, где находятся дети. Через коридор родители могут ходить на свидание с детьми... Я чувствую, что подхожу к вопросам, которые вызовут горячее возражение твоей Марты, но мы еще поговорим об этом! Сейчас я пишу только о первых впечатлениях. Итак, в одном доме живут взрослые, в другом помещаются ясли, а в третьем, стоящем особняком, находится детский сад. Дети! Им отводится здесь столько внимания, сколько не уделяется нигде и никогда. Яслями и детским садом не ограничиваются детские учреждения. Мы проехали мимо настоящего детского городка. Я только мельком мог взглянуть на него. Я видел

большое двухэтажное здание с огромными окнами, окрашенное в нежный кремовый цвет, хорошо оттенявший окружающую зелень. Я видел веселых детишек, наполнявших своими голосами цветники, огороды, сады, площадки для игр. Я видел надворные постройки, назначение которых объяснил мне Ник.

— Это большое здание — школа. Школьники здесь не только учатся, но и живут в этом здании. А надворные постройки — это опытные хлевы, свинарники, помещения для кроликов, для домашней птицы. Ведь наши школьники прежде всего практики!

Я решил во что бы то ни стало посетить школу — эту фабрику, на которой вырабатывают новых социалистических людей. Но решив сначала осмотреть город „в целом“, я принужден был поехать дальше.

— Таких школ у нас несколько. Они равномерно разбросаны по всей территории города. Вот там, видите в саду два белых приземистых здания? Это изолятор для подозрительных по заболеванию детей. Рядом — больница.

Миновав густой парк с двумя большими прудами, мы выехали на берег реки. Солнечный свет после полутени парка ослепил меня, и когда я открыл глаза, то увидел широкую реку, пестревшую лодками всех размеров и типов. Здесь были и

длинные узкие — на десяток гребцов, и маленькие — на одного человека, с перекидным двухлопастным веслом, и моторные, и парусные, и двойные пироги, и водяные лыжи, и водяные велосипеды, плотики, плавающие шары, вертящиеся круги... Все это двигалось, весело перекликалось, брызгало водой... Здесь было изобилие воздуха, солнца и воды. Здесь было весело и шумно. Полуголые люди гребли вперегонки, выбрасывались из лодок в воду, ныряли, гоняли по воде большой резиновый шар, состязались в быстроте плавания, А ниже — на песчаном пляже загорали на солнце... Из этого города не нужно выезжать на дачу: это настоящий „дачный город“, город-курорт! Нет больше отрыва городского жителя от природы, от солнца, от свежего воздуха. Сделавшись хозяином жизни, рабочий СССР прежде всего позаботился о том, чтобы уничтожить капиталистические города — эти гнезда болезней и заразы, истощения и вырождения.

И не знаю, угадал ли Ник мою мысль, или это была случайность, но он сказал раздумчиво:

— Здесь люди набираются здоровья и сил. И все же болезни не побеждены до конца. Но они будут побеждены! Непобежденной останется лишь смерть. Но она необходима в круговороте жизни. Наша медицина перестроилась, перенесла центр тяжести на профилактику. Лучше и экономичнее

предупреждать болезни, чем лечить их — вот наш лозунг. У нас происходит еженедельный обязательный осмотр всего населения. И осмотр не поверхностный. Кроме того, гигиенические знания и даже серьезные медицинские познания стали достоянием, если не всех то многих. Диспансеры имеются при каждом доме-коммуне. Амбулатории на каждой улице. а больницы... Посмотрим на них!

Мы опять уселись на велосипеды и помчались по дорожке, которая заворачивала влево. Это была граница города. за нашей дорожкой имелась еще аллея для пешеходов, а дальше, уходя к горизонту, зеленели поля, на которых колыхались волны спеющей пшеницы в рост человека.

Пожалуй окраины этого города были изумительнее всего. Я вспомнил зловонные, грязные, душные, тесные окраины наших городов с ветхими лачугами и разваливающимися домами, где ютилась рабочая беднота. Что может быть печальнее окраины большого промышленного капиталистического города! и какой контраст с центром, где живут хозяева. А вот здесь на окраине социалистического города я вижу те же парки, ту же зелень, те же фонари, расставленные на одинаковом расстоянии, не реже, чем в центре. Те же дома, разбросанные в зелени садов и парков.

Мы объехали почти половину окружности города, когда увидели несколько белых зданий,

стоявших немного в стороне и отделенных от города большим парком. С трех сторон этих белых двухэтажных зданий также были парки, а одна сторона, с открытыми верандами на юг, выходила на площадь, засаженную низким английским садом, чтобы дать возможно больший доступ солнечным лучам.

— Больницы! — сказал Ник, нажимая на педали.

Некоторое время мы ехали хорошо шоссированной дорогой по полю среди колосьев. Впереди зеленым островом высился массив плотно скученных пирамидальных тополей. между ними виднелось красивое белое здание.

„Остров смерти“, — почему-то мелькнуло в голове воспоминание о картине Беклина. Я не ошибся.

— Крематорий, — сказал Ник.

Я хотел было предаться грустным размышлениям о бренности всего земного (увы! немецкая чувствительность еще живет во мне), но Ник не дал мне сделать это. Ник еще юноша, но этот юноша очень много подмечает для своих лет. Что это: результат коммунистического воспитания, жизни коллективом? Право, он представляет для меня загадку.

Итак, Ник посмотрел на меня, усмехнулся и весело воскликнул:

— Я совсем не хочу, чтобы вы закончили осмотр города этим местом, где отработавшаяся человеческая машина возвращает материал, взятый у природы взаймы. Поедем к истокам жизни, туда, где круговорот веществ начинается сначала!

— Куда это? — спросил я, не совсем поняв.

— Ну, в родильный дом, конечно! Я покажу вам маленьких, красненьких, только что рожденных коммунаров. Вы увидите их через стеклянную стену, отделяющую новорожденных от посетителей. Вы увидите „Остров жизни“ и перестанете думать об „Острове смерти“. Живой должен думать только о живом, в особенности, если жизнь так прекрасна и интересна!

И мы повернули свои велосипеды и покатали в противоположный конец города. Туда, где рождается жизнь...

Друг мой, я написал тебе целое послание, но не исчерпал и сотой доли того, что увидел и узнал всего за несколько часов пребывания в социалистическом городе. В следующий раз я напишу тебе о том, как я перебрался из гостиницы в дом-коммуну, чтобы узнать возможно полнее, как живут новые люди нового мира. Я расскажу, что видел и узнал там нового.

До свидания. Привет твоей милой Марте.

Фит.»